

ГИЛЬЕРМО ДЕЛЬ ТОРО

Н Е З Р И М Ы Е

Во всем мире кинематографа нет никого,
кто мог бы сравниться с Гильермо дель Торо.

Джеймс Кэмерон

АРХИВЫ БЛЭКВУДОВЫХ КНИГАМ
ЧАК ХОГАН

The Big Book

Чак Хоган

Архивы Блэквуда. Незримые

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хоган Ч.

Архивы Блэквуда. Незримые / Ч. Хоган — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19184-6

Карьера и психика Одессы Хардвик повисли на волоске в тот самый момент, когда она, молодая оперативница ФБР, застрелила своего напарника. И хотя поступить иначе она не могла – прославленный ветеран агентства внезапно и необъяснимо превратился в жестокого убийцу, – случившееся никак не дает ей покоя. Тогда она начинает собственное расследование и вскоре выходит на след Хьюго Блэквуда, личности крайне загадочной – не то безумца, не то единственного человека, способного защитить мир от чудовищной угрозы. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19184-6

© Хоган Ч., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Предисловие: Ящик	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гильермо дель Торо, Чак Хоган

Архивы Блэквуда. Книга 1. Незримые

Guillermo del Toro

Chuck Hogan

The Hollow Ones

© 2020 by Guillermo del Toro and Chuck Hogan

© А. А. Петрушина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Ч. Х.: Посвящается Ричарду Эбейту

*Г. д. Т.: Посвящается Эджернону Блэквуду, лорду Дансени и
Артуру Мэкену*

Внимательный читатель наверняка заметит, что имя главного героя содержит отсылку к Эджернону Блэквуду, одному из наших любимых авторов и родоначальнику жанра мистического детектива. Хотя кое-какие ритуалы мы слегка приукрасили для пущего драматизма, прочие ошибки, если таковые имеются, допущены ненамеренно. Однако хотелось бы подчеркнуть: ограбление могил в Нью-Джерси для оккультных целей отнюдь не вымысел и не пережиток прошлого. Это действительно происходит. Сейчас.

Предисловие: Ящик

В финансовом квартале Манхэттена, между домами тринадцать и пятнадцать по Стоун-стрит, есть закуток, зарегистрированный по адресу: 13^{1/2} Стоун-стрит.

Шириной фута четыре и выложенный из колониального камня, закуток втиснут между зданиями и обрывается в тридцати футах над землей. Единственная его обозримая функция – служить опорой для неприметного почтового ящика времен Эдуардов.

На ящике нет ни гравировок, ни отличительных признаков – лишь огромная прорезь для конвертов. На чугунных стенках не видно ни дверцы, ни замочной скважины, чтобы доставать почту.

Позади ящика – глухая стена из камня и цементного раствора.

Право собственности на этот загадочный элемент благоустройства датируется эпохой голландских колонистов, а с 1822 года все налоги и издержки на его содержание аккуратно оплачиваются фирмой «Ласк и Джарндис». До тех пор ящик существовал только на бумаге, но в строгом соответствии с буквой закона.

Первое официальное упоминание ящика встречается в памфлете, опубликованном в эпоху, когда Нью-Йорк еще звался Новым Амстердамом: «Полная летопись злоключений Яна Катадрёффе и его чудесного вознесения в Царство Божие». В четырехстраничном памфлете, выпущенном издательством «Лонг и Блэквуд» (ин-фолио, 1763 год), богатый торговец пряностями, опасаясь за судьбу своих кораблей и груза, заключает сделку с дьяволом.

Корабли благополучно прибывают в порт, однако после злой дух срывается с цепи и начинает каждую ночь терзать торговца – кусает его, царапает в кровь спину, скачет на бедняге, словно наездник. Истерзанный плотью и душой грешник отчаянно кричит и совершает бесчеловечные деяния.

В разгар драмы скромный прихожанин говорит ученому священнику, мол, спасти заблудшую душу можно.

«...Ответ на мольбы найдешь ты в ящике железном на Хай-стрит. Письмо на имя Блэквуда опустишь в щель. И в двухнедельный срок повержен будет зверь...»

Однако святой отец пренебрегает советом, возлагая все надежды на Господа и церковные обряды. Катадрёффе оплачивает бесчисленные мессы и перед смертью успевает искупить грехи.

На кладбище церкви Святой Троицы, со стороны Ректор-стрит, есть неприметное надгробие. Эпитафия на могильном камне гласит:

*Здесь покоится прах Яна Катадрёффе,
усопшего торговца пряностями и древесиной,
почившего 16 октября 1709 года
в возрасте сорока двух лет.*

*Остановись, узри, о путник!
Я прежде был таким, как ты.
Во мне увидь свой срок грядущий
И двери смерти отвори...*

За столетия своего существования 13^{1/2} Стоун-стрит неоднократно становилась предметом судебных тяжб – административных, корпоративных и прочих. Но всякий раз участок

удавалось отстоять, пусть и дорогой ценой. Почтовый ящик остается незыблемым – извечная загадка у всех на виду. Редкий прохожий достаивает его взглядом.

Десять лет назад крупная страховая компания, расположенная через дорогу, установила на фасаде три камеры наблюдения. Внимательный дежурный подтвердит – примерно раз в три недели в ящик опускают письма. Но вот какая странность – почту никогда не забирают, а корреспонденция не вываливается наружу.

За свое многовековое существование ящик так и не приоткрыл завесу тайны, доподлинно известно одно: каждое опущенное в ящик письмо – это крик отчаяния, исступленная мольба о помощи, и на каждом конверте стоит одно и то же имя:

Хьюго Блэквуд, эсквайр.

2019 год. Ньюарк, штат Нью-Джерси

Одесса отложила меню и оглядела «Поварешку» в поисках перечня фирменных блюд. Искомая табличка обнаружилась у кассы. Красные печатные буквы на белом фоне воскресили давно забытые воспоминания об учебе в Академии ФБР в Куантико, штат Виргиния.

Преподаватель поведенческой психологии красным скрипучим маркером выводил на доске определения типов убийств.

По словам педагога, различались они не степенью жестокости, способом и манерой, а периодами затишья.

Отличительная черта серийных убийц – их цикл. Между убийствами могут пройти недели, месяцы и даже годы.

Массовый убийца действует в единых территориальных и временных рамках, число жертв не менее четырех, интервалы между преступлениями минимальные, а иногда сводятся к нулю.

Неустовый убийца действует на разных территориях в короткий промежуток времени, период затишья может составлять от часа до нескольких дней или недель. Сюда же относится цепной убийца – одиночка, убивающий массово за один присест.

Две последние категории во многом пересекались. Один из таких спорных случаев, официально признанный первым цепным убийством в США, произошел в семидесяти пяти милях к югу от кафе, где сидела Одесса.

Шестого сентября 1949 года Говард Унру, двадцативосьмилетний ветеран Второй мировой, вышел из дома матери в Камдене, штат Нью-Джерси, одетый в парадный костюм и полосатый галстук. За завтраком Говард крупно поскандальил с матерью. В панике женщина убежала к соседям и сбивчиво поделилась с ними предчувствием беды.

Унру отправился на прогулку, вооруженный немецким «люгером» с магазином на тридцать девятимиллиметровых патронов. За двенадцать минут он убил тринадцать человек, еще троих ранил. Жертвами стали посетители аптеки, парикмахерской и ателье. Хотя впоследствии убийство признали преднамеренным – у Говарда обнаружили дневник с перечнем врагов, – от пуль пострадали не только намеченные цели, но и бедолаги, подвернувшиеся убийце под руку в тот злополучный вторник. По словам свидетелей кровавой расправы, Унру как будто находился в трансе и стрелял куда придется.

Для человека, далекого от правоохранительных структур, классификация преступлений не играет роли. Главное, что на протяжении шестидесяти с лишним лет леденящая «прогулка смерти» Унру оставалась самым жестоким цепным убийством в Нью-Джерси.

Свой статус она сохраняла вплоть до вечера, когда Уолт Леппо заказал мясной рулет.

– Рулет с пылу с жару? – поинтересовался вернувшийся из уборной Уолт у молоденькой официантки.

– Разумеется.

– Тогда сделайте одолжение, посмотрите, не завалилась ли у вас пара кусочков с бизнес-ланча. Желательно пролежавшие под инфракрасной лампой часа три. В общем, чем суше, тем лучше, с горелой корочкой.

Официантка замерла, гадая, не издеваются ли над ней. Девушка явно подрабатывала в свободное от учебы на юрфаке время. Одесса хорошо помнила, как на третьем курсе Бостонского юридического университета подвизалась официанткой. Сколько неприятных моментов ей пришлось пережить, выслушивая от клиентов мужского пола завуалированно похабные, граничившие с фетишизмом заказы? Похоже, существовала определенная категория мужчин – преимущественно холостых, – мечтавших видеть в меню женщин, а не стандартные блюда.

Перехватив умоляющий взгляд официантки, Одесса, сидевшая напротив Леппо, попыталась изобразить на лице ободрительную улыбку.

– Уточню у повара, – пробормотала девушка.

– Спасибо. – Уолт протянул ей меню. – Кстати, я предпочитаю горбушки.

Девушка засеменила на кухню.

– Раньше горбушки назывались пятками, – сообщил Уолт Одессе.

Та глубокомысленно кивнула и промурлыкала:

– Классический серийный убийца.

Уолт пожал плечами:

– Только потому, что я люблю мясной рулет по маминому рецепту?

– Силы небесные! Да тут бонусом оральная фиксация.

– К твоему сведению, Десса, сексуальный подтекст можно найти везде. Даже в мясном рулете.

– Спорим, ты и тосты пережариваешь.

– До углей. Но разве вас не инструктировали, что новичкам не разрешено составлять профиль агентов-ветеранов?

Оба как по команде обернулись, когда по панорамному окну «Поварешки» застучали первые капли дождя.

– Не было печали, – проворчал Леппо.

Одесса открыла на телефоне приложение погоды. Подобно ядовитому облаку, на Ньюарк надвигалось скопление осадков в изумрудных и мятных тонах. Одесса развернула телефон так, чтобы Леппо мог видеть экран. Ее зонтик вместе с двенадцатикалиберным «Ремингтоном-870» преспокойно лежал в багажнике машины, припаркованной за полквартала.

– В Джерси льет, как на собаку из шланга, – изрек Леппо, раскладывая салфетку. – Сплошная сырость и никакого проку.

Одесса с улыбкой проглотила очередной «леппоизм» и посмотрела в мокрое стекло. Редкие прохожие ускорили шаг, торопясь убраться восвояси.

События набирали скорость.

Как позже выяснилось, пока Леппо терзал официантку своими кулинарными пристрастиями, в десятке миль к северу от Ньюарка Эван Аронсон завис на удержании вызова и наслаждался рок-музыкой семидесятых. Страховая компания не спешила брать трубку, а Эвану не терпелось узнать, в какую сумму ему выльется недавний визит в травмпункт. Двумя неделями ранее на встрече выпускников Рутгерского университета ребята из братства затеяли коронные прыжки через биотуалет, и Аронсон порвал левый бицепс, пытаясь поймать соседа по общежитию Брэда «Бумера» Бордонски, хотя тот за десять лет набрал фунтов тридцать веса.

Под аккомпанемент бессмертного хита Стикса Эван оторвал взгляд от своего стола в представительстве «Чартерных авиалиний» аэропорта Тетерборо и увидел, как из частного ангара выкатилось последнее слово техники – поршневым двухдвигательный «Бичкрафт барон

G58». Из кабины самолета ценой в миллионы долларов выбрался пилот – высокий, лет пятидесяти, в серых спортивных штанах, свитере с длинным рукавом и сандалиях. Сопровождаемый ревом турбин, мужчина вновь двинулся в ангар, успев перемолвиться парой слов с механиком. Очевидно удовлетворенный беседой, механик отправился восвояси, пилот же вернулся на взлетную полосу с огромным разводным ключом. Эван озадаченно нахмурился – капитаны, а тем более владельцы самолетов всегда доверяли ремонт профессионалам, особенно при работающих двигателях мощностью в триста лошадиных сил и стремительно вращающихся пропеллерах. Эван привстал с кресла – левая рука на перевязи, правая сжимает трубку телефона, соединенного (как того требовали радиочастотные инструкции) шнуром с базой на столешнице.

Сквозь завывание турбин раздался отчетливый хлопок – и скрежет.

Звук повторился. Эван вытянул шею, силясь разглядеть пилота, орудовавшего под фюзеляжем. Появившись в зоне видимости, летчик двинулся к крылу и ударом ключа снес сигнальную лампу – красный пластиковый корпус разлетелся вдребезги, осколки посыпались на взлетную полосу, лампочка погасла.

Эван громко икнул: какое кощунство уродовать самолет ценой в миллионы долларов! Телефонный шнур натянулся до предела, лирическая мелодия «Леди» являла дикий контраст с беспрецедентным актом вандализма за окном.

Владельцы баснословно дорогих частных лайнеров берегли свои детища как зеницу ока, холили и лелеяли их, словно гоночные автомобили. Лупить по ним гаечным ключом – все равно что выковыривать племенному скакуну глаза отверткой.

А вдруг доходяга в свитере вовсе не владелец, а злоумышленник, задумавший нанести самолету многотысячный урон? Или вообще угонщик?

– Мистер Аронсон, я ознакомился с вашими документами, – раздался голос страхового консультанта, но Эван уже уронил трубку на пол; лишившись натяжения, шнур запрыгнул обратно на столешницу.

Эван опрометью выскочил из офиса под острые струи дождя и стал лихорадочно озираться по сторонам в поисках подкрепления.

«Пилот» разгромил последнюю лампочку, и самолет погрузился во мрак. Лишь крохотный огонек сигнализации озарял окрестности.

– Эй! – завопил Эван, размахивая здоровой рукой. – Эй! – надрывался он в надежде привлечь внимание вандала и кого-нибудь из сотрудников с двумя функционирующими руками.

Механик из ангара бросился к нарушителю и через мгновение забился в предсмертных судорогах, сраженный тремя ударами ключа в правый висок.

Пилот опустил на корточки и принялся методично расплющивать пробитый череп – ни дать ни взять питекантроп, приканчивающий добычу.

Эван в ужасе застыл. Мозг отказывался воспринимать чудовищность увиденного.

Ключ со звоном полетел в сторону. Пилот подошел практически вплотную к вращающемуся левому пропеллеру, обогнул его и взобрался в стеклянную кабину.

Самолет дернулся и покатился вперед.

После разгрома единственным источником света служила бортовая электроника. В зеленоматоголубом мерцании жидкокристаллического монитора «Garmin G1000» пилот смахивал на инопланетянина.

Эвана поразила его мертвый, невидящий взгляд. Словно сомнамбула, пилот потянулся за чем-то вне поля зрения наблюдателя. Внезапно правое боковое стекло озарилось яркими вспышками и разлетелось вдребезги. Пули, выпущенные из АК-47, острыми гвоздями впились в тело Эвана. Колени у него подкосились, он повалился навзничь, стукнувшись головой об асфальт.

Когда погруженный во тьму «бичкрафт» свернул на рулежную дорожку, Эван отошел в мир иной.

Одесса заказала мясной салат – без лука, чтобы не чувствовать весь вечер мерзкий привкус. И обязательно кофе – коронный напиток агентов ФБР, особенно в середине смены.

– Ты в курсе, что в ресторанах основное количество человеческих экскрементов сосредоточено на меню? – спросил Леппо, едва официантка удалилась.

Одесса достала из сумочки антисептик и водрузила на стол с гримасой шахматиста перед решающим поединком.

Леппо ей явно симпатизировал. Будучи отцом взрослой дочери, он все прекрасно проектировал и понимал, а потому охотно взял новенькую под крыло. В ФБР напарников не назначали. Леппо стремился посвятить ее в тонкости работы, объяснить правила игры, а Одесса горела желанием учиться.

– Мой отец тридцать лет торговал кухонными принадлежностями в пяти округах, пока не отказал мотор, – доверительно сообщил Леппо. – Он не уставал повторять: хороший ресторан начинается с уборной. Лучшего совета для новичка, оттрубившего всего три года, не придумать. Если в уборной чисто, опрятно, трубы не текут, тогда и еда будет на уровне. Знаешь почему?

Одесса догадывалась, но не стала мешать напарнику разглагольствовать.

– Все просто. Туалеты драят низкооплачиваемые эмигранты из Чили и Сальвадора, они же убирают и кухню. Вся индустрия питания – да и цивилизация в целом – зиждется на этих пчелках.

– Надо сказать, они неплохо справляются, – заметила Одесса.

– Герои. – Леппо отсалютовал кофейной чашкой. – Еще бы уделяли внимание меню, им бы вообще не было цены.

Одесса с улыбкой отправила в рот порцию салата и, ощутив привкус лука, досадливо поморщилась.

Первый экстренный звонок поступил из аэропорта Тетерборо, откуда без разрешения вылетел частный борт. Самолет взмыл на восток, в сторону Муначи, и по шоссе 95 устремился к реке Гудзон. Числящийся в угоне лайнер двигался хаотичным курсом, он то набирал, то терял высоту, периодически исчезая с радара.

Портовое управление Нью-Йорка и Нью-Джерси объявило тревогу. По распоряжению Федерального агентства воздушного транспорта аэропорт Тетерборо закрыли, отменили все вылеты, а входящие рейсы перенаправили в Линденский муниципальный аэропорт – маленький аэродром на юге Нью-Джерси, предназначенный преимущественно для экскурсионных туров и вертолетов.

Первым гражданским лицом, обратившимся в службу спасения, стал штурман баржи на Гудзоне. По его словам, менее чем в миле к югу от моста Вашингтона баржу едва не протаранил самолет без сигнальных огней, издававший «странные хлопки». Как будто пилот швырял в судно петарды, и перепуганный штурман опасался, не началось ли вдруг «второе одиннадцатое сентября».

Следующий звонок раздался от администратора бутика, возвращавшегося домой в Форт-Ли через мост Вашингтона. Администратор сообщил об «огромном дроне», который направлялся в Верхний Западный Манхэттен.

Шквал звонков от обитателей Манхэттена не заставил себя ждать. Люди видели самолет, паривший в опасной близости от их домов и офисов. Посетители Центрального парка слышали рев двигателей, удалявшийся по направлению к Пятой авеню, однако из-за отсутствия борто-

вых огней затруднялись описать источник звука. Судя по донесениям, «бичкрафт» пересек Нижний Манхэттен, развернулся над Гринвич-Виллидж и вернулся на Гудзон.

Паром до Статен-Айленда успел поравняться со статуей Свободы, когда на его корму спикировал обвешанный тьмой лайнер. Единственными проблесками света были автоматные очереди, выпущенные из правой части кабины пилота. По оранжевому корпусу моторного судна «Эндрю Барнеби» застучали пули, несколько снарядов попали в иллюминаторы. Двое пассажиров получили сквозные ранения. Еще семнадцать серьезно пострадали в возникшей на борту давке. Паром дал задний ход и поспешил обратно в Нижний Манхэттен.

Позднее три пулевых отверстия были обнаружены в короне и факеле статуи Свободы, однако информации о человеческих жертвах не поступало.

«Бичкрафт» взял курс на запад, к аэродрому Нью-Джерси. Пронзая пелену дождя, он миновал Элизабет и устремился к Ньюарку, крупнейшему городу Нью-Джерси.

Власти в срочном порядке закрыли международный аэропорт Ньюарка, отменив все рейсы.

Телефоны 911 раскались добела: очевидцы наперебой рассказывали о втором самолете, замеченном на юге Нью-Джерси. Впрочем, как выяснилось, речь шла о том же лайнере.

«Бичкрафт» сбросил высоту и теперь парил в сотне футов над землей. На ярко освещенном перекрестке Нью-Джерси Тёрнпайк, зоркий пассажир автобуса, разглядел на фюзеляже номер и незамедлительно передал сведения в полицейский участок.

С военно-воздушной базы Отис на мысе Кейп-Код в Манхэттен вылетели два реактивных истребителя F-15.

В районе муниципалитета Ньюарка всю ночь не смолкали полицейские сирены, внедорожники носились по городу, курсируя от точки к точке, где отметился лайнер. Однако службы наземного реагирования не могли тягаться с последним словом воздушной техники. «Бичкрафт» видели то над четырехполосной Пуласки-Скайвэй, то в Уиквахике, то в заливе Ньюарк, то у стадиона «Мэтлайф» в Мидоулэндсе.

– Как рулет? – поинтересовалась Одесса.

– Объединение, – пробормотал Леппо с набитым ртом.

Одесса только покачала головой и махнула официантке пустой кофейной чашкой. Без кофеина сегодня никуда. Они работали над делом Кэри Питерса, бывшего заместителя главы администрации при губернаторе Нью-Джерси, замешанного в громком коррупционном скандале. В попытке замять историю, а заодно увести расследование подальше от офиса губернатора Питерс три месяца назад подал в отставку. Официальная часть расследования завершилась, однако неутрачивающая шумиха больно ударила как по частной, так и по профессиональной жизни бывшего зама. (Сам виноват – прокутил в стриптиз-клубе тысячу семьсот долларов из предвыборного фонда начальства.) Стремление выгородить губернатора дорого обошлось Питерсу. За считанные дни они с супругой превратились в мишень для репортеров светской хроники и желтой прессы, которые смаковали пикантные детали их развода. По настоянию полиции власти Монклера, где обитали супруги, запретили парковаться поблизости от их дома, дабы уберечь чету от назойливых папарацци. Питерс испытывал сильнейший стресс, как иначе объяснить составленный на него протокол о езде в пьяном виде. Новостной сайт разместил на главной странице счетчик, отмерявший время до знаменательного часа, когда бывший зам сломается и ради спасения собственной шкуры выдаст губернатора с потрохами.

Для ФБР в целом и Леппо с Одессой в частности расследование перетекло в бумажную стадию. Благодаря документации, полученной на днях из администрации и предвыборного комитета губернатора, штаб-квартира Бюро в Клермонт-Тауэре работала круглосуточно. Четверо суток подряд Одесса и Леппо не поднимая головы изучали электронную почту, договоры найма и сметы. В цифровой век любое расследование сводится к криминалистическому

компьютерному анализу, а также к расшифровке бесконечных цифровых отпечатков и следов, какие мы неизбежно оставляем во Всемирной паутине.

Вот почему ФБР предпочитает нанимать адвокатов.

Сомнительная забегаловка в захудалом районе одного из самых криминальных городов Америки чудилась Одессе блаженным оазисом посреди изнурительной возни с документами. Помня об этом, она могла бы слушать болтовню Леппо с набитым ртом хоть всю ночь.

Телефоны обоих агентов, лежавшие экраном вниз, вдруг завибрировали. Одновременно. Дурной знак.

Вопреки ожиданиям сообщения не касались работы. На мобильники пришло срочное оповещение от «Нью-Йорк таймс». Над Манхэттеном кружил угнанный из Тетерборо самолет и, по непроверенным данным, палил автоматными очередями по гражданским. К новости прилагалась хроника последних событий. Самолет пересек Гудзон, недавно его засекли над Ньюарком.

– Проклятье! – Леппо проглотил огромный кусок рулета и потянулся за салфеткой.

С кофе придется повременить. Лучше выдвинуться заранее, чем потом срываться по свистку. Наученная горьким опытом, Одесса поспешила в дамскую комнату, пока Леппо плачивался кредиткой у кассы.

Коллегу Одесса догнала уже на улице – тот прикрывался от дождя бесплатным риелторским каталогом. Едва поток автомобилей иссяк, они перебежали дорогу, обогнули заполненную водой ливневку и зашагали на север, к неприметному «шевроле-импала» серебристого цвета.

За стуком капель и визгом шин по мокрому асфальту Одесса услышала рев двигателей, лишь когда тот зазвучал буквально над ухом. Окутанный мраком самолет, слегка накренившись, прорезал косые струи меньше чем в двух сотнях футов над мостовой.

Секунду спустя он растворился в сумрачном небе. Исчез как по волшебству.

– Господи Иисусе, – пробормотал Леппо, врезавшись в остолбеневшую напарницу.

Удаляющийся гул мотора сменился воем сирен. Мимо на полном ходу промчался полицейский внедорожник. Одесса уселась за руль «импалы». Леппо уже созванивался со штаб-квартирой. Шесть верхних этажей Клермонт-Тауэра выходили на Ньюарк с прибрежной стороны грязной речушки Пассаик.

– Куда? – спросила Одесса, глядя, как скопление синих проблесковых маячков растворяется за поворотом.

– Точно не за ними. – Леппо кивнул налево. Значит, обратно в Клермонт.

Он включил громкую связь через блютуз на приборной панели:

– Дейви, мы ужинали и засекли эту штуковину. Какие сводки?

– Говорят о террористической угрозе, – отрапортовал Дейви. – Отис уже направил истребители.

– Военные истребители! – Леппо едва не задохнулся от возмущения. – На кой черт они нужны? Таранить самолет над Хобокеном?

– Как вариант. Он мечется над Гудзоном, накрывается, пикирует и ведет обстрел.

– А о нем есть внятная информация?

Одесса прижалась к обочине, пропуская очередную патрульную машину, мчавшуюся в противоположном направлении.

– Самолет зарегистрирован на гендиректора «Заначки», крупной сети складов под аренду. Ну, ты в курсе, такие здоровенные оранжевые «коробки». Предположительно лайнер в угоне. На взлетной полосе Тетерборо обнаружено тело кого-то из персонала аэропорта. Погоди, Уолт...

Дейви прикрыл ладонью микрофон и подозвал другого агента.

Одесса и Леппо переглянулись.

– «Заначка», – повторила Одесса, ощутив болезненный укол в груди.

– Не к добру, – кивнул Леппо.

Гендиректор «Заначки» Айзек Меерсон числился главным спонсором Республиканской партии Нью-Джерси... и по совместительству близким другом губернатора, читай: Кэри Питерса.

– Уму непостижимо, – пробормотал Леппо.

– Ты о чем? – Дейви снова включился в разговор.

– Мы с Хардвик расследуем финансовые махинации Питерса, и «Заначка» увязла там по самые уши. Есть описание угонщика?

– Пилота? Нет. Сейчас проверю.

Одесса затормозила на светофоре. В мельтешении дворников красный огонек то вспыхивал, то гас.

– Как поступим?

– Понятия не имею, – вздохнул Леппо. – Скорее всего, к нам это не относится.

– У Питерса затяжная депрессия, чем не повод слететь с катушек, – заметила Одесса. – Читал вчера про его жену?

– Что она подала на развод? По-моему, вполне предсказуемо.

– Согласна, но тем не менее.

Одесса, успевшая хорошо изучить напарника, не сомневалась – все его мысли сейчас сосредоточены на Питерсе.

– А разве угон самолетов не противоречит его психологическому портрету?

– Он учился в летной школе, не забыл? Лицензию ему не выдали только из-за панических атак. Как раз укладывается в общую картину.

Леппо растерянно кивнул, не зная, что предпринять.

– Вот дерьмо! Дерьмо!

В салоне снова раздался голос Дейви:

– Насчет пилота сведений нет.

– Ладно, проехали, – буркнул Леппо. – Где его видели в последний раз?

– К северо-западу от Ньюарка. Над Глен-Риджем. Других данных пока не поступало. Короче, Уолт, я побежал.

– Удачи! – бросил Леппо и отсоединился.

– Двигается к Монклеру, – резюмировала Одесса. – Как думаешь...

– Не собрался ли он разнести собственный дом? – закончил за нее Леппо.

– Дом вот-вот отойдет его супруге, – напомнила Одесса.

Судя по свирепому виду, Леппо принял решение.

– Врубай.

Одесса щелкнула тумблером под центральной панелью, активируя радиаторные огни «импалы». На капоте и бампере вспыхнули красные и голубые лампочки. Автомобиль рванул с места и устремился к Монклеру.

Воздушная угроза спровоцировала массовые аварии в квартале, хуже всего дело обстояло на Гарден-Стейт, где разом столкнулись семь автомобилей; в результате северный транспортный поток встал намертво.

Набрав высоту над Ист-Оранжем, самолет метнулся на запад и вновь исчез с радаров. Левое крыло лайнера царапнуло дерево в парке Нишуан, однако пилот сумел выровнять судно и полетел дальше. Очевидцы подозревали, что пилот ищет место для посадки или высматривает знакомые ориентиры.

Пять минут спустя самолет окончательно скрылся из виду. Первая информация об авиакатастрофе поступила из западной части Оранжа. Полиция и спасательные бригады из сосед-

них городов поспешили к месту крушения в ожидании точных координат. Однако после продолжительных поисков и бесцельных переговоров сообщение признали ложным.

Двойной двигатель «бичкрафта» накрыл первую из девяти лунок на втором поле гольф-клуба Монклера: прямой путь, вниз по склону пар пять. Самолет дважды подпрыгнул на колесах, – левое крыло рассекло глубокую яму в фарватере, развернув самолет резко влево, где его колесо провалилось в песчаную ловушку, – и наконец остановился, носом вниз, на опушке леса.

Позднее свидетель из числа завсегдатаев гольф-клуба рассказал следующее: втянувшись в эмоциональный диалог с соседом по комнате, он свернул на парковку и, выбравшись из автомобиля, принялся расхаживать взад-вперед с телефоном, как вдруг из рощи возник мужчина. Незнакомец двигался быстрым шагом и, казалось, не замечал раны на лбу. На свидетеля он посмотрел совершенно «мертвыми» (цитата) глазами. Гольфист решил, что человек нуждается в помощи, окликнул его, забыв про соседа на том конце провода. Вместо ответа раненый вскарабкался в припаркованный джип «самаритянина», который не удосужился заглушить мотор. Владелец бросился в погоню, но джип на бешеной скорости умчался прочь с распахнутой водительской дверью. Словно спохватившись, угонщик захлопнул ее в самый последний момент.

Проблесковые маячки «импалы» прокладывали ей дорогу в плотном потоке машин, но из-за чудовищных пробок темп передвижения оставлял желать лучшего. Леппо ни на секунду не отрывался от навигатора и только успевал командовать «налево», «направо», пока Одесса колесила по объездным дорогам, ведущим к дому Питерса в Верхнем Монклере.

Напарники условились не обращаться раньше времени в местное полицейское управление.

– Пока у нас все на уровне догадок, – втолковывал Леппо. – Кроме того, у них сейчас и так дел невпроворот. Вдруг мы ошиблись, зачем зря дергать людей.

– Думаешь, это не террористы? – спросила Одесса.

– Скоро узнаем. Если террористы, истребители расправятся с ними в два счета. А если нет... тогда остается наш общий знакомый. Некто с тремя детьми, подпиской о невыезде и самыми тусклыми перспективами на будущее.

Мозг Одессы работал как заведенный. Совпадения, конечно, настораживают, но шансы, что угонщиком окажется Кэри Питерс, практически равны нулю.

Хотя... самолет принадлежит компании, замешанной в его коррупционной деятельности. Солидная ниточка.

– От развода у любого крыша поедет, – вздохнул Леппо. – Я не рассказывал, но с Дэбонэ у меня второй брак.

Вот уже двадцать лет Леппо состоял в браке с Дэб, или, как он ее называл, Дэбонэ, – миниатюрной женщиной с огненно-рыжими волосами а-ля горгона, водившей громоздкий «шевроле-тахо». С супругой напарника Одессы виделась дважды – первый раз, когда они с Леппо только начинали сотрудничать, и та встреча больше напоминала смотрины. Одесса всячески подчеркивала, что не претендует на Леппо и вообще опасаться ее бессмысленно. Дэбонэ отнеслась к ней тепло и приветливо, однако за внешним очарованием таилась негибкая воля, какой Одесса не могла не восхититься. Второй раз они встретились на пикнике, устроенном для агентов. Одесса познакомилась с детьми Леппо и представила Дэбонэ своего парня Линуса, с тех пор между ними установилось полное взаимопонимание.

– Мы тогда были молоды, – продолжил Леппо. – Наш союз не протянул и года, но оклемаюсь я только два года спустя. Слава богу, мы не успели родить детей. За Питерса, конечно не поручусь, но на психа он не похож. Хотя если взять мой случай... У каждого свои тараканы, познать себя можно, лишь испытав сильную боль.

Одесса молча кивнула. Иногда рабочие моменты выливались в школу жизни.

– Кстати, где мы? – сменил тему Леппо.

«Импала» резко метнулась влево и въехала в элитный квартал.

– Почти на месте.

На улицах не было ни души, настоящий спальный район. Петляя среди ухоженных газонов и ярко освещенных домов, Одесса почувствовала умиротворение: тишь да гладь, ничего зловещего.

– Твою мать! – выругался Леппо.

Он первым заметил на обочине джип с распахнутой передней дверцей. Водитель в спешке забыл погасить фары и выключить двигатель.

Одесса припарковалась, блокируя внедорожнику путь к отступлению. Леппо диктовал в трубку адрес. Впрочем, подмога объявится не скоро. Надо срочно идти в дом.

Нашупав кобуру табельного пистолета, Одесса выскочила из машины и, описав широкую дугу, поравнялась с водительским креслом джипа. Освещенный салон пустовал. Под передним бампером валялся протараненный дорожный знак «Парковка запрещена».

Одесса сосредоточилась на доме – двухэтажном особняке в стиле тюдоровского Возрождения, с остроконечными крышами, нависавшими над первым этажом. Внутри горел свет. Парадная дверь заперта. Левая подъездная аллея, огороженная каменным заборчиком, вела к боковому входу, тонувшему во мраке.

Одесса обернулась позвать Леппо, как вдруг прогремел выстрел. За ним второй, слуховое окно верхней спальни озарила яркая вспышка.

– Леппо! – завопила Одесса, выхватив «глок».

– Заходим! – донесся приглушенный голос напарника.

В ушах у Одессы звенело, но не от выстрела – адреналин стремительно разливался по венам и громким стуком отдавался в висках. *Тук-тук, тук-тук*. Леппо уже мчался по подъездной аллее. Одесса ринулась за ним, дуло «глока» направлено от себя и вниз.

Москитная сетка была заперта, но внутренняя створка распахнута настежь. Леппо первым проник в дом. Тщетно Одесса пыталась уловить голоса, шаги, хоть что-то – шум в голове заглушал все прочие звуки.

– ФБР! ФБР! – надрывалась она, силясь перекричать какофонию.

– ФБР! Бросьте оружие! – вторил бегущий впереди Леппо.

Напрасно Одесса напрягала слух – ответной реакции на их вопли не последовало. Леппо ворвался в кухню. Одесса бросилась следом и притормозила у закрытого шкафа.

Прицелившись, она ногой распахнула дверцу и очутилась в кладовке. На полу, вытянув руки, распростерлась женщина с перерезанным горлом. Судя по изрезанным ладоням, жертва отчаянно защищалась.

– У нас труп! – известила Одесса, хотя по опыту знала: Леппо не повернется. Она кропотливо проделала все, чему учили в академии: обогнула лужу крови и наклонилась, чтобы пощупать пульс. Тело еще не успело остыть, однако искра жизни в нем погасла. От прикосновения большого пальца к впадине под подбородком края раны слегка разошлись; скопившийся внутри воздух или газ хлынул наружу, образуя на поверхности большой кровавый пузырь.

К горлу подкатила тошнота, Одесса попятилась. Дурнота сразу отступила, но не исчезла окончательно. Одесса обмякла, конечности словно налились свинцом. В покойной она узнала без пяти минут бывшую жену Питерса.

Осознание привело Одессу в чувство. В голове билась единственная мысль.

Трое детей.

Девушка моментально взяла себя в руки. Нельзя раскисать. Рассудок прояснился. Внезапно тишину прорезал крик. Кричали наверху.

Одесса опрометью бросилась из кладовки, пересекла кухню и очутилась у лестницы.

– ЛЕППО!

Она снова окликнула напарника в попытке определить его местоположение, а заодно предупредить о своем появлении. В Академии ФБР их нещадно муштровали на предмет дружественного огня.

Очередной вопль вывел ее из оцепенения. Перепрыгивая через две ступеньки, Одесса рванула вверх по лестнице.

– ЛЕППО!

Она оглядела коридор – пусто. За окном пульсировал синий огонек – местная полиция спешила на помощь. Вопреки обыкновению проблесковые маячки не успокаивали, напротив, в их прерывистом свете лестничная клетка второго этажа смахивала на гротескную комнату смеха.

Одесса завернула в первую же комнату, выдержанную в мягких персиковых и розовых тонах; на неприбранной кровати валялось смятое одеяло.

На полу, под окровавленной простыней, угадывались очертания маленького тела.

Это все сон, дурной сон.

Одесса приподняла край простыни, обнажив босую ступню, лодыжку и тоненькую щиколотку. Девушка разжала пальцы. Меньше всего на свете ей хотелось видеть истерзанное тело, в особенности лицо.

Запыхавшаяся, оглушенная звоном в ушах, Одесса вывалилась в коридор. Перед глазами все вздымалось и опускалось, точно корабль в шторм.

– ЛЕППО!

К первой спальне примыкала вторая. Плакат с хоккейной командой «Нью-Йорк рейнджers» пересекала широкая багровая полоса. Едва уловимо пахло металлом...

Пустая постель, на полу ничего. Взгляд Одессы лихорадочно шарил по темной комнатке.

Полуоткрытый шкаф-купе. Не мешкая Одесса распахнула его настежь.

У задней стенки в нелепой позе тряпичной куклы скорчился мертвый мальчик. Застывшие немигающие глаза смотрели куда-то вдаль.

Сон, дурной сон.

Одесса обернулась, выставив «глок». За спиной никого, пусто.

События развивались слишком быстро.

Межкомнатная перегородка содрогнулась от удара, висевшая на ней картина упала и разбилась об пол. Из-за стены доносились крики, звуки борьбы, глухой стук.

Неужели драка?

Одесса пулей выскочила в мерцающий синий коридор. В следующую секунду из соседней комнаты буквально выкатились двое мужчин.

Одесса приняла атакующую стойку. В хаотичной пульсации проблесковых маячков девушка мгновенно узнала Леппо. Напарник самозабвенно дрался с убийцей. Последний повернулся в профиль, и перед Одессой предстал Кэри Питерс. На нем были спортивные брюки, на коленях и босых ступнях виднелись свежие пятна крови.

Нож. Длинное лезвие отливало синим. Это был кухонный разделочный нож с толстой рукоятью. Но вопреки всякой логике держал его Леппо.

Почему нож, а не пистолет? Где его «глок»?

– НА ПОЛ, ЖИВО! ИНАЧЕ БУДУ СТРЕЛЯТЬ! – закричала Одесса.

Стискивая побелевшими пальцами рукоятку, Леппо вцепился в противника со спины. Они отчаянно боролись.левой ладонью Питерс запрокинул Леппо голову в попытке оттолкнуть агента от себя, правой удерживал руку с ножом. В разгар смертельной схватки опороченный чиновник исхитрился вывернуться и взглянул на Одессу с выражением, потрясшим ее до глубины души.

Вместо ярости и отстраненности, присущей убийцам, в его глазах читалась мольба о помощи. На лице, забрызганном кровью жены и детей, застыли отчаяние и испуг.

Питерс смотрел с недоумением и растерянностью, словно человек, очнувшийся после долгого изнурительного кошмара.

Драка возобновилась с новой силой, однако складывалось впечатление, будто Леппо не обороняется, а нападает. Только сейчас Одесса осознала, в чьих руках находится нож. Именно Леппо размахивал орудием убийства. Питерс, как выяснилось, был без оружия.

– УОЛТ!

Ему достаточно повалить Питерса на пол. У Леппо явное преимущество.

Одесса взяла агрессора на мушку. Все кончено.

– ПОСТОРОНИСЬ! ОН У МЕНЯ НА ПРИЦЕЛЕ!

Если выстрелить, пуля заденет Леппо. Однако напарник точно оглох.

Питерс снова ринулся в бой, но секунды, потраченные на Одессу, стоили ему победы. Леппо уже занес руку с ножом. Питерс выпустил подбородок противника и теперь пытался отобрать у него нож.

– Прошу, не надо! – крикнул он.

– ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! – прогремела Одесса.

Собравшись с силами, Питерс отшвырнул Леппо к стене, вытеснив того с линии огня. Экс-чиновник потянулся к Одессе:

– Пожалуйста...

Она дважды спустила курок.

Зажимая обеими ладонями рану, Питерс повалился навзничь и, выгнув спину, забился в судорогах. Одесса застыла в стрелковой позе, по-прежнему целясь ему в грудь. Питерс жадно ловил ртом воздух, хрипел, открытые раны вторили шипением. На мгновение его взгляд просветлел – словно человек очнулся и понял, что заблудился. Впрочем, длилось это недолго, зрачки устали в одну точку, по левой щеке скатилась слеза.

Одесса убила человека и наблюдала, как он истекает кровью.

Она избегала смотреть на Леппо.

Питерс постепенно обмяк и затих. Только из груди вырывался протяжный свист – с таким звуком выходит воздух из лопнувшей покрышки. Глаза остекленели.

Все, конец.

Еще на первом выстреле Одесса затаила дыхание и только сейчас рискнула перевести дух.

– Я убила его, – пробормотала она не столько для Леппо, сколько для себя самой. – Я убила человека.

И вдруг одновременно Одесса уловила слабый запах гари – обычно так пахнет паяльная паста – и за оглушительным воем сирен различила тонкий детский голосок, доносившийся из спальни:

– Пожалуйста, помогите! Кто-нибудь!

Третий ребенок Питерса. Девочка – жива и невредима.

Одесса замерла над трупом Питерса, не в силах отвести от него взгляд. Боковым зрением она заметила, как Леппо двинулся к последней спальне в конце коридора. Наверное, спешил утешить единственного уцелевшего члена загубленной семьи.

Напряжение потихоньку спадало. Одесса оторвалась от созерцания тела Питерса и подняла голову. Леппо уже поравнялся со спальней и, чуть помедлив, переступил порог, зачем-то прихватив с собой нож.

Одесса нахмурилась. Коллега грубо нарушал протокол. Орудие убийства – очень важная улика, и обращаться с ней нужно соответственно.

– Леппо! – позвала Одесса в звенящей тишине коридора, где распростерся босоногий убийца, сраженный ее пулей. При виде голых, почерневших от грязи ступней на душе сделалось особенно тоскливо и мерзко.

Питерса больше нет. На секунду Одесса осталась совсем одна в синих сполохах маячков, наедине с убитым ею человеком.

К горлу вновь подкатила тошнота. Неприятное чувство не шло ни в какое сравнение с тем, что испытала Одесса, наткнувшись на изувеченный труп миссис Питерс. Агенты ФБР при исполнении редко стреляли из табельного оружия. В конторе обязательно затеют расследование. Слава богу, у нее есть свидетель в лице Леппо.

Одесса обогнула бездыханное тело, притягивавшее ее взор как магнитом. Окровавленные ладони прикрывали раны, невидящие глаза смотрели сквозь потолок в пустоту.

Опустив пистолет, чтобы не напугать единственного выжившего ребенка, Одесса осторожно приблизилась к спальне и переступила порог.

Над девятилетней девочкой в уютной пижаме цвета топленого молока с изображением вытупившихся цыплят навис Уолт Леппо. Свободной рукой он вцепился в светлые волосы малышки. Разинув рот в безмолвном крике, девочка извивалась всем телом, пытаясь высвободиться, однако Леппо держал ее мертвой хваткой.

Другой рукой он стискивал разделочный нож – стискивал не как ценную улику, а как орудие убийства, острием вниз.

Одесса постаралась осмыслить происходящее.

Может быть, Леппо держит девочку, чтобы она не убежала. Он всего лишь пытается помешать ей увидеть труп отца в коридоре, тела ее брата, сестры и матери.

Наспех возведенная логическая конструкция рассыпалась, едва Одесса увидела зловещую ухмылку напарника, его отсутствующий взгляд. Казалось, он нарочно демонстрирует девочке нож – лезвие с багровыми потеками.

– Леппо?

Творившееся в спальне не укладывалось в голове. Напарник словно оглох и совершенно не замечал Одессу. Он поднял нож, любуясь смертоносной сталью. Девчушка иступленно дергалась в надежде ослабить мертвую хватку.

– Спокойно, Уолт. Уолт! Положи нож! – велела Одесса, не веря собственным глазам.

Она машинально прицелилась. Взяла напарника на мушку, хотя это противоречило всякому здравому смыслу.

Оторвавшись от созерцания лезвия, Леппо запрокинул ребенку голову, обнажив хрупкую тоненькую шейку. Происходило нечто страшное.

Внезапно Одесса поняла, что будет дальше.

– ЛЕППО!

Без лишних слов Уолт Леппо ударил девочку ножом. Сталь рассекла плоть, кости и хрящ и застряла в ключице. С тошнотворным хрустом Леппо выдернул острие вместе с плечевым суставом.

Девочка истошно завопила.

Одесса рефлекторно выстрелила. Дважды.

Ударной волной Леппо отбросило назад. Он врезался в прикроватную тумбочку, по-прежнему сжимая в кулаке копну светлых волос.

Рыдая и обливаясь кровью, девочка рухнула прямо на него. Только теперь ей удалось высвободиться. К ладони Леппо прилипли три густые пряди, выданные с корнем.

Девочка на четвереньках уползла в дальний угол комнаты.

Падая, Леппо опрокинул с тумбочки увлажнитель. Прозрачная емкость разбилась, вода хлынула на ковер. Леппо завалился на кровать и начал сползать на пол, голова и плечи вывернуты под неестественным углом.

Одесса замерла, не в силах сдвинуться с места.

– Леппо! – позвала она, будто бы не стреляла и не смотрела на напарника поверх дымящегося дула.

Снизу донеслись громкие голоса. Полиция подросла, как всегда, под занавес.

Смерть стерла кошмарную ухмылку с лица Леппо, взгляд рассредоточился. Потрясенная Одесса наблюдала жуткую метаморфозу и вдруг увидела...

От изломанного тела отделилась зыбкая, колеблющаяся, точно мираж, дымка. Скоплением болотного газа дымка зависла в комнате. Бесцветная, но вместе с тем осязаемая, от нее тянуло уже знакомой гарью, не похожей на запах пороха из дула...

Леппо обмяк, как будто нечто, некая сущность покинула его за мгновение до смерти.

Вломившись в спальню, полиция Монклера застала следующую картину: на полу сидела молодая женщина, в ее объятиях рыдала девятилетняя девочка с проникающим ножевым ранением в плечо. Между кроватью и тумбочкой скорчился мертвый мужчина средних лет с двумя пулевыми отверстиями в груди. Девушка отняла руку от бьющегося в истерике ребенка и предъявила вооруженным полицейским жетон ФБР.

– Агент убит... – задыхаясь, твердила она. – Агент убит...

1962 год. Дельта Миссисипи

Рейс из Ноксвилля в Джексон, штат Миссисипи, объявили еще до рассвета. Во время короткого перелета старший специальный агент ввел его в курс дела. Само по себе дело изобиловало массой любопытных деталей, однако тот факт, что Бюро арендовало частный борт исключительно ради него – Эрла Соломона, двадцативосьмилетнего новичка, окончившего академию всего четыре месяца назад, – свидетельствовал о чем-то экстраординарном.

У трапа его ждал седан. Дальше предстояла долгая поездка на север, по трассе 49 в Дельту. После формального приветствия водитель – белый агент лет сорока с легким акцентом, выдававшим в нем деревенщину, – не проронил ни слова. Всю дорогу он молча курил и стряхивал пепел в открытое окно, игнорируя грязную пепельницу на приборной панели. Соломон сразу просек ситуацию. Равно как и причину своего назначения сюда, в эту пороховую бочку, взрывоопасную смесь гражданской активности и насилия. Причина эта не имела ничего общего ни с его профессиональными навыками, ни с опытом, сводившимся к нулю. По Дельте прокатилась волна линчеваний, а местные правоохранители вставляли ФБР палки в колеса.

И Бюро решило направить к месту событий черного агента.

Соломон стал первым из трех темнокожих агентов, зачисленных в Академию ФБР. За пару месяцев, проведенных в Ноксвилле, он сумел неплохо поладить с коллегами, в большинстве своем бывшими вояками, не подверженными расовым предрассудкам. Относились к нему не лучше и не хуже, чем к любому новичку, который только начинает постигать азы профессии, работу поручали муторную, но в разумных пределах. Когда посреди ночи его вдруг вызвали в контору, Соломон терялся в догадках; однако чего он точно не ожидал, так это поручения лететь в Джексон, штат Миссисипи, где ему предстояло принять участие в самом настоящем расследовании. Специальный агент из Ноксвилля обмолвился, будто кандидатуру Соломона предложил сам мистер Гувер. Вчерашний выпускник мгновенно очутился в центре всеобщего внимания.

Расследование и впрямь обещало быть чем-то из ряда вон. Недавно в глухой чаще обнаружили еще одну жертву линчевания, а найденные улики свидетельствовали о ритуальной подоплеке. Полиция Джексона такую версию опровергала, в отчетах не фигурировало слово «сатанизм», однако фотографии с места преступления еще не подоспели, а местные власти не внушали доверия. Впрочем, подобные нюансы меркли по сравнению с главным.

На сей раз линчеванию подвергся белый.

Местный агент вез его по трассе 49 к северо-западу от Джексона, к северу от Гринвуда и много западнее Оксфорда в городок под названием Гибстон – плодородный край между реками Миссисипи и Язу, где поклонялись хлопку и белой расе.

Седан остановился у почты – тесной развалюхи, больше похожей на рыбацкую лавчонку, украшенную поблекшей вывеской. Шофер выбрался наружу и, не глядя на Соломона, ждал, пока тот последует его примеру.

Они перешли через дорогу и поравнялись с компанией белых мужчин. В костюмах без пиджаков, они неустанно обмахивались шляпами и промокали лоб влажными от пота платками. Соломона представили местному шерифу, двум его заместителям и специальному агенту по фамилии Маклин.

– Когда мне в подручные назначили Соломона, я сказал: «Минуточку! Здесь нужен негр, а не еврей». – Маклин раздвинул тонкие губы в улыбке, демонстрируя зубы, точно хирург – внутренние органы. Спутники агента заулыбались и с любопытством покосились на Соломона; сейчас выяснится, что за негр свалился им на голову. Соломон обвел компанию пристальным взглядом и, помедлив для пущего напряжения, расплылся в приветливой улыбке. Не стоит ссориться с потенциальными коллегами, особенно пока ты мелкая рыбешка и еще неизвестно, в чьем пруду.

Мужчины продолжили праздную болтовню, однако Соломон слушал вполуха, его внимание привлекло пение, доносившееся из близлежащей церкви. В голосах паствы не чувствовалось радости, характерной для баптистов-южан.

Он идет впереди меня
И стоит рядом со мной,
Так что я не боюсь.

Это была печальная песня. К невыносимой духоте и влажности примешивалась гнетущая тревога. Прислав сюда Соломона (скорее всего, по настоянию Белого дома), ФБР расписалось в своей беспомощности. Отправить выпускника академии налаживать мосты с потомственными южанами из Гибстона! С тем же успехом можно приспособить коммуниста выслушивать жалобы либералов.

Служба кончилась, и паства устремила к выходу. Толпа в парадных костюмах текла по ступеням на грязную мостовую, мужчины водружали на головы шляпы.

– Пусть тебя заметят, проявят любопытство, – наставляли Соломона Маклин с товарищами. – С разговорами не торопись, иначе спугнешь.

Теоретически все верно. Однако на практике негритянская община собиралась лишь раз в неделю – по воскресеньям, с одиннадцати до полудня. Если не воспользоваться шансом, следующий представится только через семь дней.

О чем Соломон не замедлил доложить специальному агенту.

– Нет, – решительно пресек инициативу Маклин. – Успеешь почесать языком. Сегодня-завтра побеседуем с твоими братьями в индивидуальном порядке.

Прихожане потихоньку разбредались. В стремлении Маклина уберечь его от толпы чудился если не страх, то настораживающее беспокойство.

– Попытка не пытка, сэр, – произнес Соломон, направляясь к церкви. На полпути он заметил, что группа без пиджаков идет за ним по пятам. Ну уж нет, с ним этот номер не пройдет. – Господа, вам лучше не вмешиваться.

Те безропотно подчинились. Соломон пересек улицу под пристальными взорами темнокожих прихожан. От их внимания не укрылось, как он осадил белых законников. Нетрудно угадать, о чем они думают: «Поразительно! С виду совсем мальчишка, а какой авторитет!»

– Здравствуйте, леди и джентльмены. Я специальный агент Эрл Соломон. – Он продемонстрировал безмолвной публике жетон с удостоверением и спрятал их в нагрудный карман пиджака. Впрочем, основная масса смотрела мимо него на представителей власти, топтавшихся на тротуаре. – Федеральное бюро направило меня в Гибстон для содействия в раскрытии серии линчеваний.

На пороге церкви, промокая вспотевший лоб, возник священник. Он успел снять ризу и остался в белой, расстегнутой у ворота хлопковой рубашке и темных брюках. Серебристая седина в волосах рождала ассоциации со свечой во мраке.

Соломон приветствовал пастора почтительным кивком, однако в ответном жесте уловил настороженность, вызванную ревностью человека, привыкшего всегда находиться в центре внимания.

– Как вы понимаете, федеральное правительство обеспокоено ситуацией и намерено положить конец вопиющей жестокости. Защитить ваши права, – продолжил Соломон. – Если кто-либо из вас владеет информацией по недавним убийствам, прошу поделиться ею со мной.

Застывшие в напряжении лица. Взгляды, мечущиеся от шерифа к Соломону. Местная братия таращилась на агента, словно на выходца с другой планеты.

Здоровяк лет пятидесяти теребил планку на рубашке, чтобы обеспечить приток воздуха к телу.

– Вы ведь из конторы, – буркнул он.

Соломон склонил голову в знак согласия:

– Верно. Контора называется ФБР, а я ее агент.

– И это повод вам доверять?

– А вы попробуйте: чем черт не шутит.

– Слыхали про вас, – подал голос другой мужчина. Он снял очки в проволочной оправе и стал протирать стекла уголком галстука. – Первые агенты. Я читал статью в «Джет». Межрасовая интеграция ФБР.

– Именно, сэр, – подтвердил Соломон.

– Да он же совсем ребенок, – вклинилась худая старуха в тесном синем платье.

– Ребенок с жетоном, – язвительно поддакнули из толпы.

– Теперь, когда вздернули белого, они присылают тебя, – фыркнула старуха.

– Я иду туда, куда мне приказано, – парировал Соломон. – Главное, я здесь и хочу помочь.

– Интересно как? – скривилась старуха. – Насобираете сплетен, потом найдете козла отпущения – и поминай как звали.

– Нет, мэм, – ответил Соломон, не преминув чинно поклониться пожилой даме.

Он искоса глянул на священника, который до сих пор не проронил ни слова, однако чутье подсказывало – без помощи этого божьего человека ему не обойтись. Пастор морщился от яркого солнца, над верхней губой блестели капельки пота.

– Братья и сестры! – провозгласил он. – Уверен, агент...

– Агент Соломон.

– Уверен, агент Соломон, названный в честь мудрого библейского царя, заслуживает доверия. Сейчас я удалюсь в храм Господа нашего, и всякий, кто располагает нужными сведениями, пусть безбоязненно выскажется.

Притворив массивную дверь, священнослужитель скрылся в церкви. Похоже, ему совсем не улыбалось выслушивать откровения паствы. Любопытно почему? Вскоре все разъяснилось. Многочисленное семейство сгрудилось вокруг старухи в синем платье и принялось тихонько совещаться. Женщина косилась на шептунов с суровым неодобрением, какое присуще лишь древним старикам.

Наконец от группы отделился мужчина лет тридцати. Он снял соломенную шляпу, чья внутренняя кайма пожелтела от пота, явив на всеобщее обозрение блестящую лысину. На булавке галстука поблескивал серебряный крестик с фианитом посередине.

Смерив долгим взглядом представителей закона, нетерпеливо переминавшихся с ноги на ногу, мужчина повернулся к Соломону и еле слышно произнес:

– Думаю, вам стоит узнать про мальчишку.

Белый агент, отрекомендовавшийся Тайлером, снова сел за руль. Особо уполномоченный специальный агент Маклин устроился рядом с водителем, Соломон – на заднем сиденье. Седан ехал за машиной шерифа – светло-коричневым универсалом с муниципальной звездой на дверце.

За окном мелькал умиротворяющий пейзаж, плантации сахарного тростника простирались до горизонта. Из-за духоты пришлось опустить стекла, вместе с порывами знойного ветра в салон врывались клубы пыли и сигаретного дыма. Перекрикивая завывания сквозняка, Маклин сыпал вопросами, на которые Соломон не знал ответов. Он понятия не имел, что ждет их в пункте назначения – возможный подозреваемый, свидетель преступления или нечто иное. Источник в соломенной шляпе сообщил только адрес и под давлением приятелей-прихожан прикусил язык.

Шериф свернул на обочину – уточнить маршрут у босоногого мальчика лет тринадцати, лупившего по придорожной траве тонким стеблем тростника. Выслушав вопрос, мальчонка ткнул палкой в сторону и пустился в подробные разъяснения. Соломон то и дело ловил на себе недобрый взгляд Тайлера, каким обычно смотрят на рецидивистов или кляузников.

Расположенный неподалеку от плантации дом издолщика производил удручающее впечатление. Ветхая приземистая конструкция без намека на фундамент стояла на голой земле. Некрашенные бревна годились больше на растопку, чем на стены. Убогому жилищу минул не один десяток лет, и любой мало-мальски сильный ураган грозил разнести его в щепки.

Соломон быстро оценил обстановку. Никаких игрушек во дворе. На пустой бельевой веревке, натянутой за домом, сидели две черные глянцевые вороны. На крыше не торчала телевизионная антенна. В окнах первого этажа – занавески, но никаких ставен снаружи. Окна, как ни странно при такой жаре, были закрыты.

– Я пойду один, – объявил Соломон.

– Валяй, – разрешил Маклин, однако из машины вылез.

Тайлер не сдвинулся с места и закурил новую сигарету. Шериф с подручными выбрались из универсала, но только затем, чтобы хоть немного проветриться, и принялись обмахиваться шляпами.

Соломон шагнул к двери и постучал. Она моментально распахнулась, и на пороге возникла девочка в синем хлопковом платье с белым кружевом, свисающим с подола.

– Здравствуй, – улыбнулся Соломон. – Родители дома?

Она смотрела на него большими карими глазами, едва приподняв голову.

– Вы врач?

– Нет, мисс.

Девочка молча развернулась и скрылась в коридоре. Соломон ждал, пока она позовет кого-то из старших, но из недр помещения не доносилось ни звука. Ни голосов, ни топота ног. Коридор разветвлялся направо и налево, однако внутри царил крошечный мрак. Переступив порог, Соломон поначалу не мог освоиться после яркого света.

Земляной пол постепенно сменился деревянным настилом. Внезапно из темноты вынырнул молодой, не старше двадцати, парень с пакетиком соленых крекеров.

– Ты хозяин? – приветливо спросил Соломон.

– Нет, сэр, – ответил паренек с набитым ртом.

- Отец дома?
- На плантации.
- Но зовут его Джамус?
- Да, сэр.
- А как твоё имя, сынок?
- Парнишка прожевал очередной крекер.
- Коулман, сэр. Коул.
- Твоя мама здесь, Коул?

Любитель крекеров кивнул и, сделав знак Соломону, зашагал прочь. Агент проследовал за ним в боковую комнатку, устланную овальным домотканым ковром с расставленной вокруг скудной мебелью. В углу возле окна, выходявшего на сахарную плантацию, сидела женщина лет сорока. Заслонившись ладонью, женщина горько плакала, слезы стекали по руке и капали на бежевое домашнее платье.

Соломон собирался окликнуть ее, однако в последний момент передумал. Расспрашивать скорбящую мать – дохлый номер. Пусть лучше поплачет.

- Он в задней комнате, – произнес Коул, не сводя глаз с матери. – Прикованный.

Соломон принялся плутать по дому. По пути ему встретились еще трое ребяташек. Наконец он уперся в запертую дверь рядом с кладовой. Из-за двери доносился характерный лязг цепей и скрип кроватных пружин. Следом раздалось леденящее кровь карканье. Соломон вздрогнул, но после сообразил – кричали вороны на бельевой веревке. Значит, он на месте.

Дверь открывалась в коридор. Комната больше походила на чулан, нежели на спальню, хотя у дальней стены стояла кровать, застеленная тонким матрасом без простыни. На кровати, спиной к двери, лежал худенький мальчик. От металлических перекладин к кандалам на щуплых лодыжках и запястьях ребенка тянулись довольно массивные цепи. Изножье матраса было залепано кровью – мальчик пытался высвободиться из оков, сдирая кожу на щиколотках, ступни у него распухли и размером не уступали взрослому.

Соломон не верил своим глазам – кандалы до боли походили на те, в какие заковывали рабов столетие назад.

В глухой, без окон, комнатке даже дышалось по-другому. Атмосферное давление здесь было близко к нулю, как в разгерметизированной кабине пилота. Словно издали доносился странный звук – нечто среднее между звоном и гулом, – какой возникает после продолжительной тренировки на стрельбище. К звону в ушах добавилась слабость, рассудок словно заволокло пеленой. Соломон ощущал себя радиоприемником в мертвой зоне.

Все ассоциации выветрились из головы, едва узник повернулся. Цепи зазвенели по перекладинам, металл лязгнул о металл, и обнаженный по пояс мальчик поднял глаза на специального агента. Его глаза! Стальные, почти серебристые, а может, прозрачно-голубые, до краев наполненные безумием. Перекошенное, искаженное лицо напоминало старую кожаную перчатку, растянутую чьей-то огромной рукой. Соломон содрогнулся.

Искривленный рот приоткрылся. Казалось, мальчик хочет заговорить, однако с запекших губ не сорвалось ни звука. Соломон уже отчаялся, как вдруг из провала рта донеслось:

- *Блэквуд*.

Голос приглушенный, охрипший после долгих завываний. Соломона трясло, дыхание участилось, от вида несчастного ребенка сердце болезненно сжалось. Блэквуд? Наверное, он слышался.

Мальчик продолжал буравить его глазами. Соломону вспомнилось детство, проведенное в Иллинойсе, и рассказы деда, старого морского волка, о морях и торговцах. Соблазненные экзотическими красавицами и обещаниями несметных богатств, они причаливали к безымянным островам, где становились свидетелями или жертвами чудовищных ритуалов. Особенно

в память врезалась история, как деду с командой пришлось бросить одержимого бесом товарища после того, как он напал на них среди ночи.

Конечно, Соломон мог ошибаться, но чутье подсказывало – в сына издольщика вселился злой дух, неподвластный юрисдикции Федерального бюро расследований. Молодой агент собирався задать вопрос, как мальчик снова открыл рот. Соломон пристально следил за движениями черного трупного языка.

– *Блэквуд.*

Правильно ли он расслышал?

– Что? – прохрипел Соломон.

– Приведите Блэквуда.

Насмерть перепуганный, объятый пробудившимися детскими страхами, Соломон попятился и саданулся левым плечом о косяк; удар был таким внезапным, как будто кто-то напал со спины, – молодой агент чуть не умер от страха. Он буквально вывалился в тесный коридор, прочь из жуткой комнаты.

– *Приведите Хьюго Блэквуда. Сюда.*

Трясущимися руками Соломон закрыл дверь. Хьюго Блэквуд. Имя совершенно ни о чем ему не говорило. Агент помедлил, пытаясь унять сердцебиение; его грудная клетка учащенно вздымалась и опускалась.

Обернувшись, он наткнулся на четырех отпрысков семейства. Коулман, успевший расправиться с крекерами, стоял чуть поодаль, его пустые руки болтались как плети.

– Что с ним за напасть? – Соломон кивнул в сторону спальни.

Ребятня безмолвствовала.

– Кто... кто такой Хьюго Блэквуд? – выдавил Соломон.

Они опять не ответили и разбрелись кто куда.

Впрочем, ответ был не за горами.

1582 год. Мортлейк, Лондон

Дом у реки Мортлейк с обилием залов, посвященных разнообразным практикам и дисциплинам, отражал величие ума знаменитого чародея.

От коридоров веяло тишиной, прохладой и задумчивостью. Одна дверь вела в обсерваторию со стеклянным потолком для наблюдения за небесными светилами во славу астрономии и астрологии. Вторая отворялась в лабораторию навигации и картирования; с недавних пор картография пользовалась огромным спросом у английских мореплавателей, жаждущих проложить торговые маршруты в Китай, Новый Свет, покорить северные моря. За третьей дверью таилась лаборатория космографии – науки о Вселенной с ее фактами и загадками, чьи составляющие (астрономия, география, геометрия) давали почву для бесконечных изысканий в прочих залах, сокрытых за массивными створками.

Подлинный чертог разума.

Но главной жемчужиной была библиотека, чье содержимое заставляло всю Британскую империю зеленеть от зависти, а площади мог позавидовать любой университет. На полках и в шкафах теснились бесценные тома, собранные по всему свету, – базальные ганглии дома. «О законах» Цицерона, «*Libelli Quinque*» выдающегося итальянского математика, инженера, философа, врача и астролога Джероламо Кардано, «Медицинские труды» испанского врача и алхимика Арнольда из Виллановы и прочие инкунабулы – в общей сложности четыре тысячи заморских изданий о тайных науках, упорядоченных в замысловатую систему, понятную лишь владельцу – оккультному философу и британскому королевскому советнику Джону Ди.

К шестидесяти пяти годам Ди занимал пост придворного астролога королевы Елизаветы, руководил агентурной сетью, слыл величайшим ученым и обладал почти безграничным влиянием. Он удостоился чести предсказать и благословить дату коронации ее высочества и вот

уже двадцать лет наслаждался ролью непререкаемого авторитета в высших кругах Лондона. Увы, с недавних пор его некогда прочное положение изрядно пошатнулось; виной тому был ряд неудобных пророчеств и периодический отказ исполнять монаршую волю. Его математические изыскания по-прежнему ценились и поощрялись, однако мир вокруг стремительно менялся. В шестнадцатом веке любое научное достижение сопровождалось прямо пропорциональным спадом стихийной магии.

Разлад между точными науками и тайным искусством подорвал авторитет советника и грозил лишить его высочайшего покровительства, на которое он так полагался – надо признать. И чертогом разума, и его уникальным содержимым, заставлявшим всю Британскую империю зеленеть от зависти, Ди был обязан исключительно щедрости сановных покровителей. Осознав, что почва уходит у него из-под ног, он с упорством и не без толики отчаяния посвятил себя изучению сверхъестественного.

В своих исследованиях Джон Ди надеялся устранить брешь между наукой и магией, свести их воедино посредством алхимии и колдовства. Но столь нелегкая задача требовала участия высших сил. Да, Джон Ди искал помощи у ангелов.

Извилистыми тропами советник набрел на тайную лигу приспешников оккультизма и медиумов. Пообщавшись с мистиками, якобы способными вступать в контакт с существами высшего порядка, Ди сблизился с Эдвардом Талботом, в миру Эдвардом Келли, вынужденным взять псевдоним после обвинения в мошенничестве. В наказание за проступок магистрат отрубил Талботу оба уха, и теперь тот не снимал монастырской шапочки даже в помещениях. Прегрешения Эдварда ничуть не смущали Ди, напротив, советник восхищался спиритуальными практиками партнера, безграничной широтой его знаний сверхъестественного и особенно талантом безошибочно предсказывать будущее по хрустальному шару.

– Пора начинать, – провозгласил Ди. – Момент на редкость благоприятный.

Талбот застыл в центре огромной библиотеки, направив всю силу подсознания на хрустальную сферу, мерцавшую на бронзовой подставке в форме воздетой ладони. Пламя трех ароматических свечей озаряло безупречно гладкую поверхность шара, отчего тот словно подсвечивался изнутри. В белом одеянии, с шелковистой седой бородой, ниспадавшей из-под идеально ровных усов, Джон Ди напоминал волшебника, готового произнести заклинание. Погрузившись в глубокий транс, Талбот заговорил на языке енохианских ангелов, ведомом лишь им двоим.

На сеансе присутствовал третий человек, но в каком качестве – пассивного ли наблюдателя или непосредственного участника? – об этом знали только Талбот и Ди.

О Хьюго Блэквуде известно не много. Молчун по фамилии и в жизни, он неотступно следовал за Ди как в места общественные, так и в сакральные. Люди называли его Тенью, правда исключительно за глаза, в лицо не отваживались.

По легенде, случай свел их в 1555 году в Звездной палате, где Блэквуд только начинал карьеру стряпчего, а Ди предстал перед судом по обвинению в государственной измене – якобы при трактовке гороскопа Марии Тюдор он опирался на «математические вычисления», приравнивавшиеся в ту пору к мошенничеству. Впрочем, эта версия рассыпалась, когда в свет просочилась противоречивая информация, будто на момент церемонии Блэквуд едва перевалило за тридцать и выступал он душеприказчиком Ди. Трудно судить, насколько это близко к истине, поскольку документов с тех времен практически не осталось. По последней, пока не опровергнутой теории, Блэквуд представлял интересы Ди в вопросах собственности и торговых сделках.

Доподлинно известно одно – подобно многим до и после себя, Блэквуд попал в орбиту знаменитого философа. Причина его появления на ритуале окутана тайной. Мы не знаем, постился ли он накануне церемонии по примеру Ди и Талбота, но не удивимся, если все трое пригубили напиток из зерна мелкого помола с экстрактом полыни, любовно возвращенной в сад

Ди. Возможно, Блэквуд выступал лицом заинтересованным, а может – маловероятно, но тем не менее, – в чертоги его привело банальное стечение обстоятельств.

Не исключено, что проницательный Джон Ди угадал в Блэквуде некий потенциал – ключ, открывающий двери в высшие сферы, – и старался всеми правдами и неправдами заманить стряпчего на сегодняшнюю церемонию.

В дневниках Ди свидетельства сверхъестественного встречаются редко, отсюда напрашивается вывод: либо в ту ночь ничего экстраординарного не произошло, либо оно ускользнуло от внимания Ди. Остаток своей долгой жизни он провел в погоне за неуловимым и в неустанных, но тщетных попытках объединить математику, ворожбу, астрономию и спиритизм в единую науку.

Однако кое-что необычное все-таки случилось. В тот вечер, занятые сферомантией и обращениями к архангелу, наделенному божественным знанием, участники ритуала преступили черту. Естественный порядок вещей нарушился. Грань между добром и злом сместилась.

Для двоих обошлось без последствий.

Для третьего они стали необратимыми.

2019 год. Ньюарк, штат Нью-Джерси

Расследование на месте массового убийства продолжалось всю ночь.

Одесса изложила дознавателям хронику событий, предварительно опознав в Кэри Питерсе убийцу двоих детей и их матери, а также подтвердила личность своего покойного напарника Уолта Леппо. Девочка по-прежнему билась в истерике и была не в состоянии назвать собственное имя. Врачам «скорой помощи» с трудом удалось вывести безутешного ребенка из комнаты.

Первая пара следователей учинила Одессе допрос прямо в спальне. Знакомая с основами свидетельских показаний, девушка старалась говорить лаконично и связно, однако ей никак не удавалось донести, что именно она – не Питерс – застрелила Леппо. Сначала дознаватели подумали, что ослышались, потом списали признание на психологическую травму, а после велели ждать приезда уполномоченного агента.

Уполномоченный тоже не поверил ни единому слову. Одесса добралась до сцены в коридоре, когда она застала дерущихся Леппо и Питерса, только Питерс был без оружия, а Леппо норовил пырнуть его ножом. Рассказала, как убила Питерса, как Леппо скрылся в спальне девочки, прихватив с собой нож. Одесса понимала, насколько нелепо звучит ее история со стороны, и рискнула предположить, что Леппо попросту спятил, но, судя по реакции уполномоченного, спятила именно она.

Агенты пристально рассматривали тело коллеги, точно фотографировали. От их внимания не укрылся пистолет в кобуре. Переводили взгляд с погибшего товарища, павшего при исполнении, на Одессу.

Она залпом осушила протянутую кем-то бутылку с водой. Случившееся не укладывалось в голове. Может, она и впрямь рехнулась?

Посоветовавшись с дознавателями, уполномоченный задал потрясенной Одессе еще ряд вопросов.

Где вы находились, когда Уолт пытался зарезать ребенка?

Откуда взялся нож?

В ресторане вы не заметили за напарником ничего подозрительного?

Ее хотят уличить во лжи! Думают, она нарочно все выдумала, чтобы оправдать неудачный выстрел. Или по ошибке приняла Леппо за сообщника Питерса. Одесса не настаивала, не опровергала, хотя понимала, к чему клонит дознаватель.

Девочка подтвердит ее рассказ. Она единственный свидетель. Рана на плече, оставленная ножом Леппо, – прямое доказательство ее невиновности.

На труп Леппо набросили простыню. Плотная ткань закрыла жуткие, немигающие глаза.
Уолт, какой бес в тебя вселился?
Одессу вывели из спальни.

В Клермонт Одесса ехала вместе с первой группой агентов. Всю дорогу в салоне царило гробовое молчание.

Ньюаркское подразделение, одно из крупнейших в ФБР, насчитывало более трехсот пятидесяти сотрудников в пяти представительствах, разбросанных от Атлантик-Сити до Патерсона. Их юрисдикция охватывала практически весь штат Нью-Джерси, за исключением южного участка, находившегося в ведомстве регионального управления Филадельфии.

На шестом этаже башни, в глухой комнате без окон, еще хранившей слабый аромат сигаретного дыма с безвозвратно ушедших времен, Одесса дважды озвучила свои показания. Суть не поменялась, но постепенно история обрастала новыми подробностями, всплывавшими в памяти. Глухие удары на втором этаже, характерные для борьбы. Писк автоматически открывающейся двери, раздавшийся, едва они переступили порог дома Питерсов. Леппо, требующий у официантки заветренный мясной рулет вместо свежего.

Внезапно Одесса разрыдалась и уже не могла остановиться. Она продолжала говорить, но сопли и слезы нескончаемым потоком текли на бумажные салфетки, которые девушка не успевала доставать из коробки у себя на коленях. Комната обычно предназначалась для допросов подозреваемых.

Дознаватели наблюдали за ней с бесстрастными лицами. Впервые Одесса очутилась по ту сторону системы. Кое-какие вопросы заставили ее насторожиться.

Кто-нибудь из вас употреблял алкоголь за ужином?

Вы принимаете медицинские препараты?

У нее забрали табельное оружие на баллистическую экспертизу – стандартная процедура. Посоветовали сдать образец крови – якобы для ее же блага. Одессе совершенно не понравился тон советчиков. Впрочем, анализ крови так и не был сделан.

Взошло солнце, дневная смена заступила на пост; агенты, прежде не удостаивавшие новенькую даже взглядом, первым делом спешили на шестой этаж – поглазеть. Только сейчас Одесса осознала – осознала реально, – в какую беду она попала. Даже если ее действия были оправданны, ей вменяли убийство по неосторожности. Коллега-агент был убит, и это сделала она.

Около десяти утра Одессу наконец отпустили домой. Она завернула в свой кабинет – взять зарядку – и вдруг подумала, не прихватить ли ей остальные вещи на случай, если она больше не вернется. Нелепая мысль. Хотя как знать... Из окна открывался вид на Центр-стрит, где уже выстроились фургоны телевизионщиков, готовых вести прямую трансляцию.

Никто не предупредил, что в вестибюле ее ждет Линус. Он был в костюме, но без галстука, словно одевался впопыхах. Заметив Одессу, он оторвался от телефона, вскочил и заключил девушку в объятия. Она всплакнула у него на плече. Оказывается, ему успели сообщить.

С Линусом Айерсом, уроженцем Бостона, она познакомилась в Бостонском юридическом университете. Вспыхнувшая симпатия переросла в отношения, они встречались вплоть до выпускного, потом расстались, а меньше чем через год съехались. Отчасти по любви, отчасти из финансовых соображений – тяжело сводить концы с концами на бюджетную зарплату сотрудника ФБР и скромный заработок юриста второго курса в фирме «Белая обувь» в Манхэттене.

– Спасибо, – шепнула Одесса.

Не разжимая рук, Линус ласково погладил ее по спине:

– Мне позвонили. Я подумал, тебя ранили или того хуже.

– Хуже некуда, – всхлипнула Одесса.

– Тебе нужен адвокат.

Слегка отстранившись, Одесса смахнула слезы; глаза на смуглом лице Линуса светились участием.

– У меня есть адвокат. Ты.

Линус почти улыбнулся.

Через неприметную дверь они вышли на Ривер-стрит, проскользнули мимо журналистки, занятой телефоном в перерывах между эфирами; наушники небрежно болтались на воротнике блузки. Ночной дождь смыл духоту, в воздухе веяло прохладой. Через пять минут они были на Пенсильванском вокзале и, проехав одну остановку, сошли на станции Харрисон. Разговаривали мало. Поездка практически не отложилась у Одессы в памяти. Давала о себе знать накопившаяся усталость.

Возвращение домой не принесло желаемого облегчения. Линус суетился, предлагал поесть, но Одессе кусок не лез в горло. Она рухнула в постель не раздеваясь, как однажды, когда подхватила грипп.

На душе было черно. Линус принес воды. Одесса слышала, как он возится с чем-то на столе – отключает телевизор, чтобы она, не дай бог, не увидела новости.

К несчастью, у нее остались телефон и зарядка. Одесса просмотрела ленту новостей и несколько информационных блоков – сколько могла выдержать. Камеры возле дома Леппо зафиксировали, как рыдающая вдова Уолта садится с детьми в машину и уезжает.

Заглянувший в спальню Линус застал Одессу с телефоном и вынудил ее пообещать отрубить мобильник и лечь спать. Она кивнула, однако Линус продолжал сидеть на краешке кровати. Ему хотелось поговорить. Точнее, послушать.

Одесса вкратце повторила свой рассказ, присовокупив к нему деталь, утаенную от федералов, – как нечто отделилось от умирающего Леппо. Одессе не терпелось узнать реакцию Линуса, проверить, насколько дико прозвучит ее история. Внешне Линус отреагировал спокойно, но, помолчав, посоветовал ей, помимо адвоката, проконсультироваться еще с кем-нибудь. Под «кем-нибудь» явно подразумевался психолог.

Внутри у нее все оборвалось.

– Я же действительно видела, – настаивала она. – Чувствовала запах.

– И что ты видела? Зыбкую дымку, мираж?

– Не совсем, но близко. Какая-то рябь. Нечто.

– Ничего удивительного, у тебя был шок, вот и померещилось.

– Знаю, звучит неправдоподобно. Словами не выразить.

– А они как отреагировали?

– Я им не говорила.

Линус удивился, но, поразмыслив, кивнул:

– Да, лучше придержишься первоначальной версии. – Сейчас он рассуждал как адвокат. – Не сказала, и ладно, все равно это роли не играет.

– Ума не приложу, что случилось с Уолтом.

Линус только развел руками:

– Теряюсь в догадках. Ситуация вообще из ряда вон.

Мобильный Одессы завибрировал. Она дернулась посмотреть, но Линус ее опередил:

– Твоя мама.

Одесса откинулась на подушки:

– Не могу.

– Не можешь – и не надо. – Линус выдернул зарядное устройство из розетки и встал. – Спи.

Она кивнула, и он тихонько скрылся за дверью.

К середине дня круглосуточные новостные каналы как с цепи сорвались, смакуя подробности страшного преступления. Опираясь на видеоролики с телефонов, рассказы свидетелей, фотоснимки пулевых отверстий и отчеты Федерального управления гражданской авиации, журналисты воссоздали детальную картину «последнего полета» Кэри Питерса. Одесса смотрела репортаж по ноутбуку, рядом на столе остывал забытый чай.

Питерс убил пятерых человек: двух сотрудников аэропорта Тетерборо и трех членов семьи. Одессу насторожили показания владельца угнанного джипа, точнее, его описание Питерса – безучастное лицо, отстраненный взгляд. То же самое Одесса наблюдала у Леппо.

Как сообщалось далее, Питерса нейтрализовали стражи правопорядка, в результате перестрелки погиб агент ФБР. Выходит, правда еще не всплыла на поверхность. Однако Одесса понимала: это лишь вопрос времени.

В заключение журналисты пытались обосновать мотивы Питерса. Финансовые неурядицы, разлад в семье, загубленная карьера. Питерс, безусловно, испытывал сильнейший стресс, однако это ни в коей мере не оправдывало его зверства. Спокойный и уравновешенный по натуре, Питерс в прошлом не переживал глубоких травм, способных пробудить в нем зверя.

Впрочем, все вышесказанное относилось и к Леппо. Одесса перебирала в памяти подробности их совместного ужина, но не нашла ни единой зацепки. Поездка в Монклер тоже прошла заурядно: Леппо был в своем репертуаре, следовал интуиции, которой доверял безраздельно. Проникновение в дом: матерый агент руководит операцией. Одесса, ошарашенная жуткой находкой в кладовой. Жаль, она плохо прислушалась к звукам наверху.

Когда завязалась драка? Почему Леппо выстрелил из «глока»? Как у него оказался раздельный нож, позаимствованный Питерсом на кухне?

От размышлений отвлек сотовый. Звонили из Клермонта. Они выслали машину. Одессу ждут для повторного допроса.

- Давай найму тебе адвоката, – предложил Линус.
- Мне такая роскошь не по карману.
- Это не роскошь, а необходимость.

Одесса приняла душ, переоделась и, сопровождаемая адвокатом из Бюро, поехала в Клермонт. Допрос записывали на камеру, девушке удалось сдержаться и не заплакать. Ее не спрашивали о состоянии тела Леппо после того, как он упал. Она подписала протоколы, предварительно проверенные адвокатом, и выслушала предписание не покидать город на случай, если ее вызовут в отдел профессиональной ответственности – подразделение ФБР, ведавшее внутренними вопросами.

Одесса все ждала, когда у нее потребуют сдать удостоверение и жетон. Пистолет отобрали накануне. На период расследования ее официально назначили на делопроизводство – стандартная процедура. Одесса поинтересовалась, на сколько затянется расследование.

- Пара-тройка недель, может, больше.

Тон, каким уполномоченный произнес «больше», окончательно убедил Одессу, что увольнение неизбежно. Разумеется, случится это после вынесения вердикта, в качестве причины назовут какие-нибудь мелкие нарушения. Но горькая правда такова: Одесса убила напарника, и никакие смягчающие обстоятельства не загладят ее вину. Никто в здравом уме не захочет работать с ней бок о бок.

После дознания ее обещали отвезти домой на служебной машине. Одесса в полном одиночестве спустилась в гараж и вдруг услышала трель мобильного. На экране высветилось имя абонента: «Мама».

Одесса содрогнулась. Только не это! Вероятно, до матери уже дошла информация – через СМИ, например, – и ей не терпится узнать все из первых рук, а Одесса совершенно не настро-

ена обсуждать свои проблемы. А может, мама не в курсе, звонит просто поболтать (впервые за почти две недели), и, если утаить от нее правду, обид потом не оберешься. *Почему ты мне не сказала?! Бесконечные упреки. Чувство вины. Да, вины. Мир Одессы рухнул, однако мама умудрится свести все к собственной персоне. Могла бы поделиться с матерью!*

Нет, трубку она не возьмет. Не сейчас. Но и переадресовка вызова на голосовую почту ее тоже не спасет.

Никогда не спасала.

Одесса направилась к выходу. Ни в какую машину она не сядет, точка. Подойдя к двери, Одесса ускорила шаг, опасаясь, что ее заметят и окликнут.

Выскользнув на улицу, она миновала два квартала и лишь тогда смогла вздохнуть полной грудью. Попутно послала эсэмэску Линусу: «Не валяй дурака, иди на работу. Дознание кончилось, все нормально». Небо заволочло серыми дождевыми тучами, однако на землю пролилось лишь несколько холодных капель.

Стараясь держаться подальше от опасных прибрежных кварталов, Одесса бесцельно шагала на север, мимо автомоек и салонов сотовой связи, мимо бакалейных лавок и изрисованных граффити пустых витрин. Она уже начала уставать от разбитых тротуаров и безликих улиц, когда впереди возникло кладбище Маунт-Плезант – оазис тишины в беспокойном городе.

У ворот в готическом викторианском стиле стоял каменный указатель с выбитой датой «1844». Одесса бродила по извилистым тропинкам, среди надгробий, романских часовен и изысканных склепов. Здесь царила особая атмосфера.

В голове роились мысли – разрозненные, путанные. Перед внутренним взором то и дело всплывала досадливая гримаса Линуса, когда она рассказала про сущность... фантом... нечто покинувшее брненное тело Леппо. Как бы ей хотелось не поверить собственным глазам, выбросить тот момент из памяти. Забыть как страшный сон.

Внезапно желудок свело от голода. Одесса отыскала доминиканский ресторанчик и заказала жареную курицу с рисом. Самое отрадное – ресторан ничуть не походил на «Поварешку», где они в последний раз ужинали с Леппо.

Уолт, какой бес в тебя вселился?

В Харрисон Одесса вернулась до заката. Ноги гудели после долгой прогулки, ступни словно натерли наждаком, однако усталость как рукой сняло при виде толпы перед домом. Одесса не сразу сообразила, что к чему, но в следующий миг ее осенило; тело откликнулось мощным всплеском адреналина: «бей или беги».

Здание оцепили репортеры. Вдоль дороги выстроились новостные фургоны. Охотники за сенсациями собирались взять ее измором. Точно так же они осаждали Питерса, когда грянул скандал. Теперь Одессе предстоит испытать это на своей шкуре.

Подобно грабителю с полными карманами добычи, заметившему вдалеке патруль, она развернулась на каблуках и зашагала прочь. По спине струился холодный пот. Только бы ее не окликнули и не бросились в погоню! Значит, все уже в курсе про шальной выстрел и кто его совершил. Переведенный в беззвучный режим мобильник валялся в сумочке и наверняка разрывался от голосовых сообщений. Одесса почувствовала себя загнанным зверем и смахнула набежавшие слезы.

Привычная жизнь рухнула, и, судя по вспышкам телекамер вкупе с толпами репортеров, к прошлому уже не будет возврата.

В попытке выиграть время Одесса завернула в Харрисонскую публичную библиотеку. Блуждая по тихим, прохладным залам, среди многочисленных шкафов, она мысленно перенеслась в детство, проведенное в Милуоки, штат Висконсин, где библиотеки считались чуть ли не святынями. Запах старых страниц, холодные металлические стеллажи, гладкий плиточный пол. В библиотеках искали не только знаний, но и уединения. Одесса устроилась в уголке и долго сидела не шелохнувшись. Сотовый лежал в сумочке, точно радиоактивный элемент,

заклученный в свинцовую оболочку; стоит сорвать печать, и вредоносные лучи вырвутся на свободу, отравят организм. В отчаянии Одесса оплакивала загубленную карьеру, свое безмятежное существование, смерть Леппо. Мимо сновали ребятишки; Одесса невольно зажмурилась под наплывом воспоминаний о растерзанных детях Питерса.

На стене ожил громкоговоритель: «Закрываемся через пятнадцать минут». Одесса содрогнулась. Взгляд упал на часы. В душе теплилась надежда, что журналистам – по крайней мере, телевизионщикам – надоест ждать. В сумерках Одесса направилась к дому, сжимая в кулаке ключ. По счастью, ни репортеров, ни новостных фургонов поблизости не наблюдалось. Одесса без приключений добралась до вестибюля и поднялась в квартиру.

Наутро телефон разрывался от сообщений. Одесса проигнорировала девяносто процентов абонентов, но один звонок все-таки прослушала. Начальник велел ехать на службу не в Клермонт, а в нью-йоркский головной офис. На метро Одесса добралась до Трайбека, и на протяжении первых двух дней ее временного назначения руководство с двадцать третьего этажа силилось подыскать ей занятие. Поначалу Одесса старательно изображала бурную деятельность, однако под конец второго дня смирилась и бесцельно таращилась в окно. Сотрудники не перемолвились с ней ни единым словом.

На третий день офис опустел – все отправились на похороны Уолта Леппо. Одесса не смогла заставить себя пойти. Вряд ли ей обрадуются. Какое мучение – сидеть за пустым столом, пока за рекой отдают последние почести и предадут земле твоего товарища.

Мать продолжала звонить. Одесса поддерживала связь с четырьмя братьями и сестрами эсэмэсками (территориально ближайший родственник обитал неподалеку от Цинциннати, штат Огайо), но отделялась банальными фразами: «Все в порядке, в выходные обязательно наберу». Конечно, они беспокоились, но перспектива обсуждать с ними наболевшее повергала ее в панику. Со звонком матери ей повезло. Судьба смиростивилась, и Одесса попала на голосовую почту.

«Привет, мам. Прости за молчание, закрутилась. Сама понимаешь. Неделя выдалась кошмарная, не знаю, чем все закончится. Со мной все нормально, ну относительно. Обязательно позвоню тебе, как освобожусь, но загадывать не хочу. Столько всего навалилось. Ладно. Пока».

Остаток дня она провела в одиночестве за пустым столом.

Назавтра ей наконец придумали задание – съездить через Ист-Ривер в Кью-Гарденс, где располагалась резиденция Бруклин-Куинс. У отставного агента случился удар, и Одессе поручили разобрать его кабинет. Она понятия не имела, почему за отставным агентом по-прежнему числился собственный кабинет, однако решила, что в ее положении не стоит задавать лишних вопросов.

Как и следовало ожидать, комендант в Кью-Гарденс не знала ни о грядущем визите, ни о каком кабинете идет речь. Из шкафчика в копировальной комнате женщина выудила связку разрозненных ключей и, вручив их Одессе, неопределенно мотнула головой в сторону вестибюля.

Нужная дверь обнаружилась в самом конце коридора, по соседству с пожарной лестницей. Одесса оглядела безликую створку и подергала ручку. Заперто. Она стала перебирать связку, прикидывая, сколько времени уйдет, чтобы подобрать искомый ключ. По закону подлости он наверняка окажется в числе последних.

К счастью, кабинет располагался в укромном уголке, вне зоны видимости персонала. Одесса позаимствовала с чужого стола скрепку, сняла с холодильника в комнате отдыха прямоугольный магнитик, рекламирующий доставку пиццы, и вскрыла немудреный замок.

В глухом помещении без окон пахло затхлостью. Одесса щелкнула выключателем. Под потолком вспыхнула голая лампочка и, замигав, перегорела. Похоже, не наведывались сюда давно.

На столе тосковал письменный набор из кожзама; книжная полка с пустыми папками на кольцах – часть выстроена в ряд, другие валяются на боку; выпцветшие акварели на стенах, оставшиеся от предыдущего владельца.

Одним словом, типичный кабинет вышедшего в тираж агента, который считал дни до пенсии.

Чтобы не блуждать в потемках, Одесса широко распахнула дверь и занялась столом, покрытым ровным, пушистым слоем серой пыли. Проверила содержимое ящиков. Ничего особенного: горсть скрепок, скотч, канцелярский нож. Именная табличка, некогда украшавшая дверь или столешницу: «Эрл Соломон».

Среди хлама обнаружился ворох квитанций на путевые расходы. Обед в Лоуренсе, штат Канзас, за 1994 год. Ужин в Саскачеване в 1988-м. Чек из магазина электроники за ремонт магнитофона, датированный две тысячи девятым годом.

Правый нижний ящик оказался заперт. Ни один ключ из связки не подходил. Окрыленная первым взломом, Одесса вставила в крохотную скважину скрепку, повертела ее, но замок не поддавался. Попытки выдернуть ящик из пазов тоже не увенчались успехом. Взгляд Одессы упал на канцелярский нож, тонкое лезвие могло поместиться в узкий зазор.

С одной стороны, не хотелось оставлять следов проникновения. А с другой... Покосившись на дверь, Одесса тыльной стороной ладони втиснула нож в разъем и резко провернула.

Раздался хруст. Готово! Хотелось бы верить, что наградой за труды будет бутылка отменного алкоголя.

В ящике лежал катушечный магнитофон. Одесса водрузила его на обитую дерматином столешницу. Громоздкая конструкция с минимумом пластмассы. На бежевом корпусе логотип фирмы «Sony», выгравированный устаревшим шрифтом, с большими промежутками между буквами, допотопный штепсель с двумя разъемами. Разработчики обещали клиентам «высокое качество воспроизведения».

Парные катушки пустовали. Одесса выудила из ящика бобины с семидюймовой пленкой и сложила их рядом с магнитофоном. Помнится, дедушка довольно ловко управлялся с таким агрегатом, и ей тоже не терпелось попробовать.

Она установила левую бобину, перемотала и, потянув ленту за край, пропустила ее через магнитную головку. Коричневая пленка с годами истерлась, приходилось действовать осторожно, чтобы не порвать. Одесса обернула ее вокруг правой бобины и зафиксировала в специальном разьеме. Перемотав пару футов вручную, она воткнула штепсель; от соприкосновения с контактами из розетки вылетела синяя искра.

Девушка включила магнитофон и нажала кнопку воспроизведения. Работает! Однако из динамиков не донеслось ни звука. Одесса подкрутила ручку регулировки, и бобины завертелись с угрожающей скоростью. Она снова переключилась на воспроизведение.

Раздался характерный стук по микрофону:

– Раз-два. Раз-два. Проверка.

Одесса убавила громкость, когда комнату наполнил баритон – чистый, но слегка потрескивающий, как бывает на старых пленках.

Заиграла записанная с радио песня без начала и конца, скрипучий голос исполнителя доносился словно издалека. В динамике загрохотало, когда микрофон поднесли к нему вплотную.

И звезды рушатся вокруг...

И небо стало вместо океана...

Музыка гремела подобием военного марша. Одесса вытащила телефон и открыла приложение «Шазам».

Оригинальный метод аудиорасшифровки – передовые технологии против пережитков прошлого – оказался на удивление эффективным. На экране смартфона высветилось название композиции: «What Now My Love» – «И что теперь, моя любовь». Исполнитель Ширли Бэсси, при участии Нельсона Ридла с оркестром. Премьера, если верить «Шазаму», состоялась в 1962 году.

Запись достигла кульминации и резко оборвалась. Послышался бойкий речитатив старомодного диск-жокея, но через мгновение все стихло.

После – белый шум.

И тишина.

Одесса метнулась посмотреть, не оборвалась ли пленка. Но нет, лента по-прежнему намазывалась на бобину, только пустая.

Кто-то испытывал магнитофон? В 1962-м?

Одесса изучила корпус. Внизу, на пластиковой крышке, виднелись выжженные чем-то вроде паяльника инициалы «Э. С.». Эрл Соломон.

Вспыхнувшее было любопытство сменилось горьким разочарованием. Магнитофон, без сомнения, принадлежал хозяину кабинета, агенту ФБР в отставке. Дело закрыто.

Похоже, когда-то давно он сунул древний артефакт в ящик и благополучно о нем забыл.

Одесса отправилась за советом к коменданту.

– Как мне распорядиться вещами агента?

Женщина пожала плечами:

– Личное имущество полагается вернуть. Помещение нужно освободить как можно скорее. У меня где-то завалялся адрес.

Одесса отыскала в копировальной комнате картонную коробку и сложила в нее немудреные пожитки.

До Флашинга, где располагался Нью-Йоркский пресвитерианский госпиталь, пришлось добираться на такси. В поисках Эрла Соломона Одесса, с коробкой под мышкой, кочевала от одного справочного стола к другому. Ее так и подмывало воспользоваться жетоном, но совесть не позволяла. Наконец ей удалось выяснить, что Эрла Соломона перевели из интенсивной терапии в обычную палату.

Нужная дверь стояла нараспашку. Палата оказалась двухместной, но вторая койка пустовала. Одесса на цыпочках обогнула полуприкрытую шторку. За ней спал темнокожий мужчина с седыми курчавыми волосами, он выглядел на свои восемьдесят шесть лет. От его руки и предплечья к насосам и мониторам, выводившим приглушенную симфонию, тянулись длинные трубки. Старик прерывисто дышал во сне.

Одесса опустила коробку на деревянные подлокотники кресла. Она-то надеялась встретить у постели родственников агента, передать им вещи и быстренько откланяться, а в итоге торчит здесь, нарушая покой больного. Будить старика Одесса не осмелилась – вдруг ему вкололи снотворное? Похоже, надо доставать удостоверение и идти к медсестрам или ждать, пока не объявится кто-нибудь из родни.

В углу работал маленький телевизор с плоским экраном. Бросив взгляд на картинку, Одесса помертвела. Показывали трансляцию с похорон супруги и детей Кэри Питерса. Самого чиновника хоронили отдельно. Камера взяла крупным планом вереницу машин на кладбище. Участники скорбной церемонии оплакивали погибших, произносили трогательные речи. Замелькали кадры из соцсетей: миссис Питерс с детьми в аквапарке, контактном зоопарке, на хоккейном матче «Нью-Йорк рейнджерс». После всплыла знакомая фотография

Питерса периода его тесного сотрудничества с губернатором. Снимок дома в Монклере, сделанный в ту страшную ночь. И вдруг, без всякой привязки к визуальному контексту (звук на телевизоре был выключен), на экране возникла фотография гордо улыбающейся молодой женщины в пиджаке поверх белой блузки с темно-русыми волосами до плеч. Одесса глухо застонала, узнав в шатенке себя: это был контрольный выстрел, Бюро сдало ее с потрохами.

Трансляция переключилась на студию. Это был не местный новостной канал, а Си-эн-эн. Национальное вещание. Одесса понятия не имела, в каком ключе ее обсуждают... но догадывалась.

Она вздрогнула, услышав за спиной:

– Вы врач?

Одесса повернулась, уверенная, что в палату нагрянул посетитель.

Однако голос принадлежал Эрлу Соломону. Старик проснулся, если вообще спал.

Прищурившись, он взглянул на гостью. В следующий миг его добрые, чуть желтоватые глаза расширились.

– Нет, – прохрипела Одесса, косясь на экран. К счастью, новостной блок закончился. Девушка повернулась к старику. – Я Одесса Хардвик. Специальный агент из Нью-Джерси. А вы агент... мистер Соломон?

– Агент Соломон. Можно просто Эрл. Не подсобите? – Он кивнул на педаль, регулирующую высоту кровати.

Одесса подняла верхнюю секцию на пару футов, и теперь старик мог хорошенько ее рассмотреть. Губы у него пересохли, язык неестественно побелел.

– Хотите воды?

Агент Соломон покачал головой и, скривившись, обвел взглядом палату, словно пытался сообразить, где находится.

– Новая обстановка.

Одесса рассеянно кивнула, перед глазами у нее до сих пор стояли жуткие кадры.

– Э-э... вам удобно?

– Не очень.

– Мне сказали, с вами случился удар.

– Сосудистый криз. Бляшка оторвалась и перекрыла приток крови в мозг. Я упал. – Соломон разгладил простыню на талии. – Но к счастью, успел дотянуться до телефона.

– По крайней мере, речь у вас не нарушена. А в остальном?

Старик снова поморщился:

– Потеря обоняния, вкусовых ощущений. Постоянный гул в ушах. Но мне еще повезло. Врачи сделали томографию и нашли бляшку в области сердца. А еще грыжу. Не самая радужная картина.

– Да, картина не радужная, – эхом повторила Одесса.

– Вы ведь из Нью-Джерси, верно?

– Точно. Меня... хм... – Одесса решила не вдаваться в подробности и сменила тему. – За вами по-прежнему числится кабинет в управлении Б-К.

Соломон кивнул, глубокие морщины на лбу двигались в такт его гримасам.

– Числится, только навещаюсь я туда не часто.

– Заметно. – Одесса вымученно улыбнулась. – Никак не возьму в толк: официальный пенсионный возраст для агентов – пятьдесят семь лет, правильно?

– Конечно, – подтвердил Соломон. – Официально я давно на пенсии.

– Тогда зачем вам кабинет?

– На всякий случай.

Одесса кивнула, хотя ответ старика ясности не добавил.

– Наверное, я не совсем понятно выразилась. Они что, забыли про ваш кабинет?

– Скорее, про меня. – Старик растянул губы в улыбке, обнажив крупные расшатанные зубы. – Мой офис отдают вам?

– Нет. Мне просто поручили разобрать его. – Одесса руками указала на коробку. – Вот, принесла ваши вещи. Правда, набралось их не много.

Соломон не удостоил коробку вниманием, его взгляд был прикован к госте.

– Почему этот акт милосердия поручили именно вам?

Она улыбнулась шутке и нехотя призналась:

– Меня временно перевели на канцелярскую работу.

Соломон удовлетворенно кивнул.

– Производственная травма или дисциплинарное взыскание?

– Административное разбирательство. – Одесса озвучила фразу, не дававшую ей покоя ни днем ни ночью.

– Превышение полномочий?

– Пока трудно судить.

– Ясно. – Старик покосился на работающий телевизор. Похоже, он успел посмотреть выпуск новостей о зверской расправе в Монклере. Когда пазл сложился, отставной агент устался на Одессу чуть ли не с благоговением, однако смысл его взгляда открылся ей много позже. – Перестрелка в доме помощника губернатора, – произнес Соломон. – Хозяин обезумел и растерзал практически всю семью, за исключением одного.

Одесса потупилась:

– Да, сэр.

– Ваш напарник пытался зарезать уцелевшего ребенка, и вы его застрелили.

Зажмурившись, Одесса кивнула.

– Агент Соломон, мне бы не хотелось...

– ...Это обсуждать, – подхватил старик.

– Именно, сэр.

– Ну разумеется. Однако у меня к вам кое-какие специфические вопросы.

Одесса не сомневалась, что тема закрыта, и сейчас с недоумением воззрилась на старика.

– Первый вопрос касается вашего напарника, – спокойно продолжил Соломон. – Он ведь штатный агент. Полагаю, раньше за ним не наблюдалось приступов агрессии?

Одесса покачала головой:

– Никогда.

– Убийца погиб первым.

– Я его застрелила.

– Уже тогда вы не заметили в поведении напарника ничего... необычного?

Разговор начинал действовать ей на нервы.

– Пожалуй, да. Но мне бы не хотелось...

– Понимаю, вам неприятно, но все-таки позвольте мне продолжить. Это крайне важно. Когда вы выстрелили в напарника, с ним... точнее, с его телом не происходило ничего странного?

Одесса медлила. Глупо откровенничать с посторонним человеком, тем более адвокат посоветовал ей держать рот на замке. Однако искушение ответить оказалось слишком велико.

– Я видела какую-то рябь, похожую на испарения.

– А запах присутствовал? Такой маслянистый?

Откуда он узнал?

– Да, пахло горелым припоем, – выпалила Одесса и моментально пожалела о сказанном. – Хотя я испытала сильный стресс и не могу утверждать наверняка...

Однако Соломон не спешил давать оценку ее словам, он напряженно думал.

– Вы не заметили в доме самодельного алтаря?

Алтарь? Что за чушь!

– Нет, не...

– Алтарь. Рака. Вероятно, не в доме, а в гараже или надворной постройке. Вспоминайте. Металлическая урна или сосуд...

– Меня отстранили от расследования, – перебила Одесса. – Из-за неправомерного выстрела. Кроме того, дом не принадлежал Питерсу, – по крайней мере, жил он совсем в другом месте.

– Такой черный котел, вероятнее всего чугунный, – гнул свое Соломон. – По незнанию можно спутать с большой вазой или мусорным ведром. Если заглянете внутрь, найдете человеческие волосы, кости.

– Кости? – переспросила Одесса.

– И кровь... В общем, мимо не пройдете, – заключил старик.

– Агент Соломон, – голова у Одессы шла кругом, – я здесь совершенно не за этим. Дело касается вас.

– Меня? За меня не беспокойтесь. Я лишился вкуса, обоняния, в мозгу зреет огромная грыжа. В общем, полный комплект. Попить не дадите? – Старик ткнул в лиловый кувшинчик на передвижном столике. Одесса плеснула теплой воды в пластиковый стакан и протянула больному. Тот дрожащей старческой рукой поднес стаканчик к губам. – Вам понадобится помощь в расследовании.

– Бюро уже назначило мне адвоката.

– Речь не о вашей защите, а о расследовании.

Одесса не сразу сообразила, к чему он клонит.

– Событий той ночи? Нет, я туда не полезу. Не могу.

– Придется, если хотите выяснить, что действительно произошло. И я знаю, кто вам поможет.

– Спасибо, агент Соломон. – Одесса старалась говорить вежливо, но вместе с тем настойчиво. – Но пусть Бюро делает свою работу, а я займусь своей. Кстати, мне пора... – Она попятилась к двери, горя желанием поскорее унести ноги.

– Напишите письмо, вкратце изложите ситуацию и попросите о помощи. Пишите на бумаге. Просто, без прикрас. Обозначьте суть проблемы. Лаконично. Без утайки. Попросите помочь. Листок согните пополам, точно посередине, и положите в обычный конверт шесть на девять дюймов. Формата А5. В строке «Адресат» укажите – диктую: «Хьюго Блэквуду, эсквайру. 13¹/₂ Стоун-стрит. Район Уолл-стрит». Знаете?

Одесса выждала, когда старик закончит, и помотала головой.

– Одна из старейших улиц Манхэттена. Слушайте, агент. Слушайте и запоминайте. Между зданиями в стену вмурован черный почтовый ящик. Без номера и опознавательных знаков. Человек несведущий в жизни не найдет. Незаметный – точнее, забытый. Опустите в него конверт – лично. Такой своеобразный акт смирения, покаяния. Бросьте письмо в прорезь и уходите. Он сам вас найдет.

Старательно изображая задумчивость, Одесса кивнула. Сердце разрывалось от жалости и сострадания к старику, утратившему разум в результате инсульта. Теперь понятно... почему ничего не понятно.

– Повторите, какой адрес? – участливо спросила она.

– 13¹/₂ Стоун-стрит.

– Ага. – Одесса прикинулась, будто запоминает.

– Вы выполните мою просьбу? В точности как я сказал?

– Обязательно, – заверила Одесса. – Спасибо вам огромное. А как мне...

– Если просьба искренняя, если все обстоит так, как я думаю, он непременно появится.

Соломон не сводил с нее глаз. Одесса надеялась обвести старика вокруг пальца, но под его ненавязчиво-пристальным взглядом ей вдруг стало совестно. Отставной агент отвернулся и уставился сквозь грязное стекло верхнего этажа на серое небо.

– Вам сейчас нелегко, – заговорил он. – Пытка вставать по утрам, чистить зубы. Всякий раз, глядя на себя в зеркало, вы вспоминаете тот выстрел и мечтаете все исправить.

Одесса завороченно наблюдала за его профилем. Старик рассуждал на удивление здраво и, казалось, видел ее насквозь.

– Люди зовут это раскаянием, а я – голосом разума. В такие моменты мы по-настоящему осознаем, что всякое наше действие или бездействие влияет на других. Все мы соучастники. Только совершаем не преступления, а дурные поступки. Их не избежать. Завтра, когда вы подойдете к зеркалу и начнете чистить свои белоснежные зубки, подумайте, зачем вы это делаете. Не ради здоровья полости рта, нет. Вы умываетесь, расчесываетесь, мажете маслом тост, предвкушаете новый день. Все это суть обращения, воззвания. Медленные, микроскопические шаги, приближающие нас к высшим силам. Так постепенно, мало-помалу мы вызываем к ним. Но вот такая штука: иногда не мы вызываем, а призывают нас. – Желтоватые глаза уставились на Одессу. – Признаться, я ждал посетителя, но точно, черт возьми, не тебя.

Одесса перестала вникать. Похоже, рассудок старика то затуманивался, то прояснялся. Самое время уходить. Но уйдет она с чувством выполненного долга.

– Агент Соломон, как мне поступить с вещами? Убрать в шкаф?

– Можете забрать их себе.

– Боюсь, не...

– Семьи у меня нет, передать некому, домой ко мне их тоже никто не потащит. Если у меня вообще есть дом. Кстати! Вы ведь под следствием, свободного времени много.

– Официально я не под следствием.

– Простите старика. – Соломон виновато улыбнулся. – Просто мне совсем не к кому обратиться. Пожалуйста, сделайте одолжение, отнесите это барахло ко мне домой. Адрес я напишу. Заодно проверьте, что там и как, ладно? Зажгите в паре комнат свет, покормите Денниса. Проклятье!

– Кто такой Деннис?

– Рыбка, которую я приютил. Рыбка-сирота. Бедняга... Наверное, совсем оголодал.

– Кошмар! – непритворно ужаснулась Одесса.

– Совсем о нем забыл. Скоро ему понадобится новый хозяин. У вас нет никого на примете?

Соломон нацарапал на клочке бумаги адрес и в изнеможении закрыл глаза. Одесса спрятала листок в карман, подхватила коробку, попрощалась... однако Эрл Соломон крепко спал.

1962 год. Дельта Миссисипи

Молодой агент Соломон осторожно брел по лесной чаще, стараясь не убить единственную пару туфель – кожаных, с декоративными носами. Сухая сверху почва, стоило на нее наступить, моментально превращалась в грязь. Белая хлопковая рубашка под летним пиджаком насквозь пропиталась потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.